

Erinnerungen an die Leningrader Blockade

Чтобы память жила

1941

Ленинград

2021

Berlin

Danksagung

Die Herausgeber bedanken sich bei der Stiftung „Erinnerung, Verantwortung und Zukunft“ für die Finanzierung der Publikation im Rahmen des Projektes „Wir dürfen nicht vergessen: Überlebende der Leningrader Blockade im Dialog mit der Gesellschaft“.

Благодарность

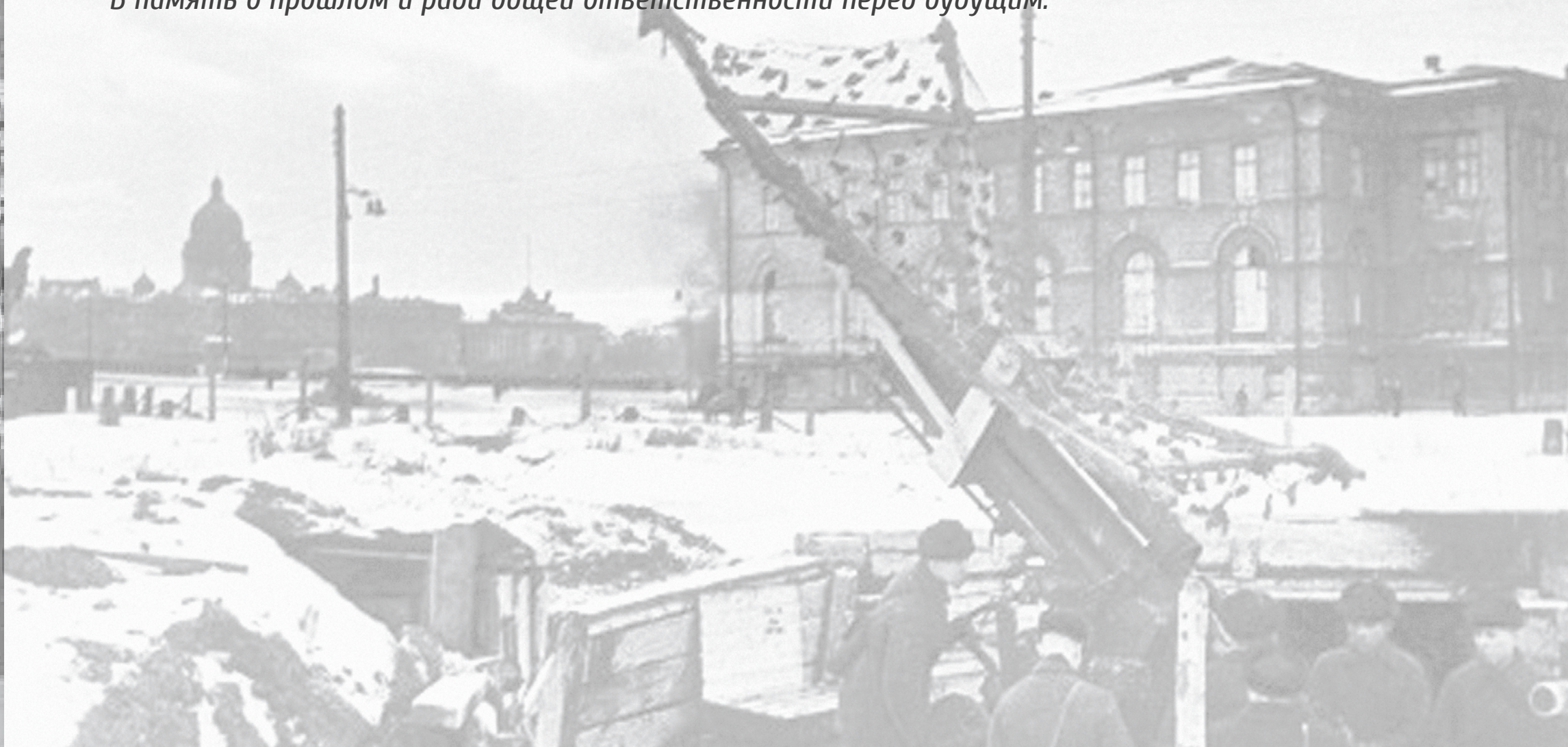
Издатели благодарят фонд «Память, ответственность и будущее» за финансовую поддержку данной публикации в рамках проекта «Чтобы память жила: ветераны-блокадники в диалоге с обществом».

Dem 80. Jahrestag der Leningrader Blockade gewidmet...

In Erinnerung an die Vergangenheit und in gemeinsamer Verantwortung für die Zukunft.

Посвящается 80-той годовщине начала блокады Ленинграда...

В память о прошлом и ради общей ответственности перед будущим.

„Das Mitgefühl der Menschen verschwand nicht etwa, sondern wurde wiedergeboren.“

Daniil Granin, Rede im Deutschen Bundestag am 27. Januar 2014

Liebe Leserin, lieber Leser,
im September 2021 jährt sich zum 80-sten Mal der Beginn der Belagerung Leningrads durch die deutsche Wehrmacht. Heute leben in Deutschland geschätzt 350 Menschen, die als Kinder oder Jugendliche die Leningrader Blockade überlebt haben. Ihr späteres Leben hat sie aus verschiedensten Gründen nach Deutschland geführt, ins Land der einstigen Besatzer.

Eine sehr aktive Gruppe von 60 Blockade-Überlebenden hat in der Berliner Vereinigung „Lebendige Erinnerung“ ein neues Zuhause gefunden. Der „Club Dialog e.V.“ organisiert regelmäßige Treffen der Blockade-Überlebenden und steht ihnen bei vielen Alltagsfragen tatkräftig zur Seite. Die Stiftung „Erinnerung, Verantwortung und Zukunft“ (EVZ) unterstützt diese Arbeit des Club Dialog e.V. seit 2016. Im Namen der Stiftung möchte ich allen Mitarbeiterinnen und Mitarbeitern, Ehrenamtlichen und anderen Helfenden ganz herzlich für ihr Engagement danken. Gerade in den letzten Monaten, als aufgrund der Corona-Pandemie fast alle Treffen abgesagt werden mussten, haben sie mit unermüdlichem Einsatz den Kontakt zu den Blockade-Überlebenden gehalten und die Menschen in diesen schwierigen Monaten nicht alleine gelassen.

In seiner Rede vor dem Deutschen Bundestag schilderte Daniil Granin, selbst Überlebender der Leningrader Blockade, eindringlich die grausame Realität der Belagerung. Aber er betonte auch, dass vor allem Mitgefühl und Menschlichkeit ein Überleben möglich machten. Die hier veröffentlichten Erinnerungen von Blockade-Überlebenden berichten eindrücklich über diese Solidarität und bewahren sie so für künftige Generationen.

Ihnen gilt unser besonderer Dank – wissend, dass diese Erinnerungen auch heute noch für viele von ihnen sehr belastend sind. Gerade jetzt, in Zeiten der sozialen Isolation, ist es umso wichtiger, dass die heute hochbetagten Überlebenden Aufmerksamkeit und Unterstützung erfahren. Dafür setzt sich die Stiftung EVZ gemeinsam mit Projektpartnern wie dem Club Dialog e.V. auch weiterhin ein.

Anja Kräutler

Teamleiterin, Stiftung EVZ

«Люди не разучились сострадать, чувство сострадания родилось заново»

Даниил Гранин, из выступления в германском Бундестаге 27 января 2014 г.

Дорогие читательницы и читатели,
в сентябре 2021 года исполняется 80 лет с начала блокады Ленинграда частями германского Вермахта. Сегодня в Германии проживают около 350 человек, переживших эти страшные годы в детском или подростковом возрасте. По разным причинам они оказались здесь, в Германии – стране, начавшей эту жестокую войну.

Активная группа из примерно 60 человек, переживших Блокаду, нашла новый дом в берлинской ассоциации “Живая память” («Lebendige Erinnerung») при Клубе Диалог в Берлине. Клуб Диалог (Dialog e.V.) организует регулярные встречи людей, переживших Блокаду, и активно помогает им в решении многих повседневных вопросов. Фонд «Память, ответственность и будущее» (Erinnerung, Verantwortung und Zukunft) поддерживает эту работу с 2016 года.

От имени Фонда я искренне хочу поблагодарить всех сотрудников, волонтеров и других помощников за преданность нашему совместному делу. Особенно в последние месяцы, когда почти все мероприятия пришлось отменить из-за пандемии коронавируса, наши коллеги неустанно поддерживали связь с теми, кто пережил блокаду и не оставляли своих подопечных в эти трудные месяцы.

В своем выступлении перед немецким бундестагом Даниил Гранин, выживший в те трагические блокадные годы, остро и выразительно описал жестокую реальность будней осаждённого города на Неве. Он убедительно свидетельствовал, что выживание в таких условиях стало возможным, прежде всего, благодаря состраданию и милосердию. Опубликованные здесь биографические очерки лиц, переживших блокаду, дают впечатляющее представление об этой солидарности и передают её будущим поколениям, как документ силы человеческого духа.

Я хочу выразить особую благодарность всем, кто содействовал данной публикации. Актом мужества следует считать публикацию этих горьких воспоминаний. Особенно сейчас, во времена социальной изоляции и душевной нестабильности. Без сомнения, чрезвычайно важно, чтобы наши современники, пережившие те трагические события, не лишались поддержки и не чувствовали себя одинокими. Фонд «Память, ответственность и будущее» совместно с такими партнерами, как Клуб Диалог, продолжает работать в этом направлении.

Аня Кройтлер

Руководитель отделения фонда

«Память, ответственность и будущее»

Wer einem Zeitzeugen zuhört, wird selber zum Zeitzeugen!

Elie Wiesel

Holocaust-Überlebender und Träger des Friedensnobelpreises

Liebe Leserin, lieber Leser,
die Leningrader Blockade jährt sich im Jahr 2021 zum 80. Mal. Die Einschließung der Stadt durch die deutschen Truppen mit dem Ziel, die Leningrader Bevölkerung systematisch verhungern zu lassen, war bis heute beispiellos und eines der eklatantesten Kriegsverbrechen während des Krieges gegen die Sowjetunion. Die 900 Tage dauernde Blockade hat unvorstellbares Leid über die Bevölkerung gebracht – mehr als eine Million Menschen starben zwischen 1941 und 1944 vor allem an Hunger, Kälte und Krankheiten, aber auch durch Granatbeschuss und bei Kämpfen um die Stadt.

Die Erinnerung gilt es wachzuhalten! Aus der Geschichte zu lernen heißt, Gegenwart zu verstehen und Zukunft verantwortungsvoll zu gestalten. Dies ist angesichts der zunehmend aus den Fugen geratenden weltpolitischen Lage heute wichtiger denn je.

Die vorliegenden Publikation „Erinnerungen an die Leningrader Blockade“ möchte hierzu einen Beitrag leisten. Sie will dazu beitragen, dass das Unfassbare nicht in Vergessenheit gerät. Sie will damit vor allem junge Menschen erreichen. Als Erwachsene von morgen werden auch sie schon bald in der Verantwortung stehen, ihr Wissen an ihre Kinder und Enkelkinder weiterzugeben.

Was liegt da näher, als Zeitzeugen der Erlebnisgeneration zu Wort kommen zu lassen, die die Blockade selbst im Kindesalter erlebt haben? Grundlage des Bandes, das bereits in der dritten, überarbeiteten Ausgabe erscheint, sind 45 kurze Interviews mit überlebenden Frauen und Männern, die im damaligen Leningrad geboren wurden, heute aber in Deutschland leben. Sie alle schildern in beeindruckenden und sehr emotionalen Worten Episoden aus Kindheitstagen, die eigentlich gar nicht in Worte zu fassen sind: Erinnerungen an blühende Fliederzweige, zu Kriegsbeginn auf vorbeiziehende Panzer der Stadtverteidiger geworfen, schon Sekunden später – durchaus sinnbildlich – von Panzerketten zermalmte Matsch liegend gehören ebenso dazu, wie Abtransporte von Verhungerten auf Kinderschlitten, deren Haare auf dem Boden schleifen und Spuren im frischen Schnee ziehen...

Ein besonderer Dank gilt daher allen befragten und am Ende der Publikation namentlich erwähnten Zeitzeuginnen und Zeitzeugen. Sie waren dazu bereit, schreckliche, aufwühlende und über Jahrzehnte verdrängte Bilder aus ihrer Kindheit in Erinnerung zu rufen. Dies verdient Respekt und Anerkennung! Ihr Schicksal soll uns allen Mahnung sein!

Dr. Natalia Roesler, Geschäftsführerin Club Dialog e.V.

Tot, кто слушает свидетельства переживших, сам становится свидетелем!

Элли Визель

переживший Холокост лауреат Нобелевской премии мира

Дорогие читатели,
в 2021 году исполняется 80 лет с начала блокады Ленинграда. Блокада города с целью систематического уничтожения населения не имеет прецедентов в мировой истории и явилась одним из крупнейших военных преступлений во время войны против Советского Союза. Блокада, длившаяся 900 дней, принесла неопишуемые страдания населению Ленинграда – более одного миллиона человек погибло в период между 1941 и 1944 годами от голода, холода, болезней и непрекращающихся бомбёжек.

Это нельзя забыть! Только извлекая уроки из истории, можно понять настоящее и с ответственностью относиться к будущему – это особенно важно перед лицом все более нестабильной политической ситуации в мире.

Настоящая публикация является вкладом в процесс сохранения воспоминаний о лишениях, ужасах и трагедиях, пережитых ветеранами-блокадниками. Прежде всего хотелось бы привлечь к нашей книге внимание молодежи – сегодняшние молодые люди завтра возьмут на себя ответственность за происходящее, а также передадут это знание своим детям и внукам.

В настоящей публикации, которая является уже третьим дополненным изданием, собраны воспоминания 45 блокадников, переживших блокаду Ленинграда в детском возрасте и проживающих в настоящее время в Германии. Они эмоционально и выразительно описывают эпизоды из своих детских переживаний, которые очень сложно облечь в слова. Как выглядит война глазами ребенка? Для ребенка война – это и цветущие ветки сирени, превращающиеся в серое месиво под гусеницами танков, отправляющихся на фронт, и – как в страшном калейдоскопе уже описывается следующая картина – умершие от голода люди, тела которых везут на кладбище на детских санках и длинные волосы волочатся по снегу ...

Мы сердечно благодарим всех блокадников, которые принимали участие в нашем проекте, даже если их воспоминания не вошли в книгу. Они согласились поделиться с нами ужасными эмоциональными и практически вытесненными из головы воспоминаниями из детских дней. За это они заслуживают признания и уважения! Их судьба должна стать предостережением для всех нас!

Наталья Реслер, руководитель организации Клуб Диалог

Die Blockade Leningrads

Es waren 900 lange Tage, die die Stadt an der Newa unter deutscher Belagerung ausharren musste. Am 8. September 1941 schloss sich der Ring deutscher und finnischer Truppen um Leningrad. Am 27. Januar 1944 wurde sie von der Roten Armee befreit. Dazwischen spielte sich eine Tragödie ab, die rund einer Millionen Einwohnern der Stadt das Leben kostete.

Bereits im Spätsommer 1941 waren die Vorräte in der Stadt knapp. Nach der Einkesselung hing das Schicksal Leningrads an den dürftigen Schifflieferungen über den Ladogasee, der sich nordöstlich der Stadt erstreckt. Als dieser Mitte November zufror, fuhren unermüdlich Lastwagen über das Eis. Diese 30 Kilometer lange „Straße des Lebens“ war die Lebensader der Stadt. Die Stadt hatte bei Kriegsbeginn 3,2 Millionen Einwohner, von denen sich zu Beginn der Blockade noch rund 2,5 Millionen in der Stadt befanden. Sie konnten nicht mehr evakuiert werden. Und die Hilfslieferungen konnten die eingeschlossenen Einwohner nicht ausreichend versorgen. Die Lebensmittelrationen wurden innerhalb von drei Monaten fünf Mal gekürzt. Im November 1941 erhielten Arbeiter täglich nicht mehr 600 Gramm, wie zu Beginn der Blockade, sondern nur noch 250 Gramm Brot. Alle übrigen Menschen in der Stadt, so sie denn bei den Behörden offiziell registriert waren, erhielten die Hälfte: 125 Gramm Brot täglich. Darüber hinaus gab es nichts. Brot war in dem schlimmen Hungerwinter 1941/42 die einzige Lebensgrundlage, und es reichte nicht. Es wurde gestreckt mit allen möglichen Ersatzstoffen bis hin zu Sägemehl. Die Menschen rafften alles nur irgendwie Essbare zusammen. Nahezu alle Tiere in der Stadt wurden gegessen. Tapetenkleister, Buchleim oder Lederstreifen dienten als Nahrungersatz. Fälle von Leichenschändung und Kannibalismus nahmen zu, auch wenn die Behörden dagegen vorzugehen versuchten. Auf den verschneiten Straßen Leningrads liefen die Menschen apathisch vor Hunger umher. Laut Statistik brachen im Dezember 1941 über 800, im Februar 1942 über 2.700 Menschen tot auf der Straße zusammen.

Das Jahr 1942 brachte in dem Sinne Besserung, als dass eine halbe Million Menschen aus der Stadt evakuiert werden konnte. Den Sommer über wurde eine Öl-Pipeline durch den Ladogasee gelegt. Und im Frühjahr wurden alle Grünflächen der Stadt zu Gemüsebeeten, deren Erträge über den nächsten Winter halfen. Im Januar 1943 schließlich konnte die Rote Armee eine dauerhafte Landverbindung in die Stadt freikämpfen. Aber die Blockade selbst dauerte noch ein weiteres Jahr an.

Das öffentliche Leben in Leningrad war trotz aller Entbehrungen nie ganz zum Stillstand gekommen. Legendar ist die Aufführung der 7. Sinfonie von Dmitrij Schostakowitsch am 9. August 1942, die der Komponist als „Leningrader Sinfonie“ der belagerten Stadt widmete. In den Hochschulen und Museen wie auch in den (Rüstungs)

Fabriken ging die Arbeit weiter. Und wir kennen heute eine Vielzahl von persönlichen Aufzeichnungen aus der Blockadezeit, deren Autoren sich noch während des Geschehens mit ihrem Er- und Überleben intensiv auseinandersetzten.

In der Stadt wurden die schweren Kriegsjahre nie vergessen, und doch entwickelte die Erinnerung an die Blockade eine weitere Geschichte, die nicht frei von Tragik ist. Leningrad wurde 1945 zur „Heldenstadt“ ernannt. Davon kündet der Obelisk mit dem goldenen Stern, der bis heute auf einem der zentralen Plätze der Stadt steht. Das Überstehen der Blockade war in der offiziellen Erinnerung der Sowjetunion immer eine Heldentat, auf die kein Schatten fallen durfte. Das Chaos in der Stadt, die Anarchie, die unbeschreiblichen Zustände des Hungers, die eben auch Kannibalismus hervorbrachten, staatliche Entscheidungen zugunsten des Militärs und zu Lasten der Zivilbevölkerung sowie eine auch während der schlimmsten Monate in Leningrad immer noch gut lebende Funktionärsschicht durften nicht thematisiert werden. Aber all das gab es eben auch. Private Aufzeichnungen, in denen auch diese Facetten des Überlebens abgebildet waren, fanden keine Aufnahme in die staatlich zensierten Publikationen der sowjetischen Zeit. Das geschah erst in der Zeit des Umbruch der Perestrojka. Selbst das berühmte „Blockadebuch“ der angesehenen Schriftsteller Ales Adamowitsch und Danil Granin, die in den 1970er Jahren erstmals private Erinnerungen zusammen sammelten, kam nicht ohne Kürzungen aus.

Am nachhaltigsten prägte die staatlich gelenkte Erinnerung die Diskussion um die Toten, die die Blockade forderte. Die Sowjetunion hatte bei den Nürnberger Kriegsverbrecherprozessen eine scheinbar korrekt errechnete Zahl von 623.253 Opfern genannt, die danach in der sowjetischen Wissenschaft nicht mehr diskutiert werden durfte. Im Mai 1960 wurde in Leningrad der Piskarevskoe Friedhof eingeweiht, auf dem knapp 500.000 Tote beerdigt sind. Damit war ein Ort der Erinnerung geschaffen, der bis heute einer der wichtigsten Erinnerungsorte der Leningrader Blockade ist, der aber über die Höhe der Opfer nichts aussagte. In der westlichen Wahrnehmung dagegen galt zu Zeiten der Sowjetunion die Zahl von 800.000 Toten als korrekt. Seit dem Zerfall der Sowjetunion werden alle Zeugnisse aus der Zeit der Blockade und alle verfügbaren Archivadokumente intensiv und international diskutiert. Nun gelten mindestens eine Millionen Opfer als realistisch.

Vielleicht ist eine Zahl letztlich gar nicht so entscheidend für das Erinnern. Aber in dieser Diskussion ging und geht es immer auch darum, das Leiden der Menschen in Leningrad in seinem vollem Umfang anzuerkennen. Das ist heute möglich. Es prägt die Stadtgeschichte Leningrads bzw. Sankt Petersburgs seit dem Anfang der Blockade vor 80 Jahren.

Dr. Jörg Morré

Leiter des Deutsch-Russischen Museums Berlin-Karlshorst

Блокада Ленинграда

Это были долгие 900 дней германской блокады, которые город на Неве должен был выстоять. 8-го сентября 1941 г. вокруг Ленинграда сомкнулось кольцо германских и финских войск. 27-го января 1944 года советская армия освободила город. Между этими двумя датами лежит трагедия жизни и смерти около 1.000.000 жителей города.

Уже в начале осени 1941 года запасы продовольствия в городе были на исходе. Судьба голодающих жителей зависела от снабжения по водному пути через Ладожское озеро. Когда к середине ноября оно замерзло, по льду стали непрерывным потоком ездить грузовики. Эти 30 километров дороги, названной „Дорогой жизни“, стали пульсирующей артерией города. До войны в городе проживало 3,2 миллиона жителей, из которых к началу блокады оставалось все еще около 2,5 миллиона. Они все не могли быть эвакуированы. Жителей окруженного и заблокированного города невозможно было снабжать самым необходимым. Рационы питания за три месяца блокады урезались пять раз. В ноябре 1941 года рабочие получали не 600 гр. хлеба ежедневно, как на момент начала блокады, а только 250 гр. Все остальные жители, зарегистрированные по месту жительства официально, получали половину рабочего пайка, т.е. 125 гр. хлеба в день.

Ничего дополнительного не было. Хлеб был в самую страшную голодную зиму 1941/42 гг. единственным продуктом, но и его не хватало. В него подмешивали все возможное – вплоть до опилок. Люди везде искали что-либо съедобное. В городе были съедены все животные. Обойный клейстер, бумажный клей, кожаные ремни вываривались и шли в пищу. Регистрировались случаи трупоедения и каннибализма, хотя это строго наказывалось властями. По занесенным снегом улицам Ленинграда апатично бродили умирающие от голода и холода люди. Согласно статистики в декабре 1941 года на улице скончались 800, а в феврале 1942 года – более 2700 человек.

В 1942 году пришло облегчение – полмиллиона жителей смогли быть эвакуированы из города. Летом по дну Ладожского озера был проложен нефтепровод. Весной все свободные земельные участки в городе были использованы для посадки овощей, это помогло пережить следующую зиму. В январе 1943 года советской армии наконец удалось пробить постоянный коридор между Ленинградом и «большой землей». Блокада, однако, длилась еще почти целый долгий год.

Общественная жизнь в городе, несмотря на всякого рода лишения, не затихала. Легендарной стала премьера Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича 9 августа 1942 года, которую композитор назвал „Ленинградской« и посвятил блокадному городу. Работа продолжалась как на заводах по производству оружия, так и в музеях и институтах. До нас дошли также многочисленные личные записи жителей города о тяготах блокадной жизни.

Ленинград навсегда сохранил память о тяжелых годах войны, представление этой памяти, имеет, однако, свою собственную, не лишенную трагичности историю. В 1945 году Ленинграду было присвоено имя Города Героя. В ознаменование этого события был сооружен обелиск, увенчанный Золотой звездой. Он и сегодня стоит на одной из центральных площадей города. В официальном политическом дискурсе Советского Союза блокада была важным примером героизма, проявленного в Великой Отечественной войне, воспоминание о котором не должно было омрачаться никакими фактами. Нельзя было вспоминать о хаосе, поразившем город, анархии, неопределимом страшном голоде, породившем случаи каннибализма; о приоритете военных операций перед спасением гражданского населения в процессе принятия решений; и, наконец, о довольно вольготной жизни городского начальства и высокопоставленных партийных работников в эти лихие годы. Но все это тоже было. Воспоминания очевидцев, зафиксировавшие и эти факты, однако, не находили места в подцензурной советской публицистике. Это случилось только с началом перестройки, и даже тогда знаменитая „Блокадная книга“, в которой знаменитые писатели Олесь Адамович и Даниил Гранин опубликовали свои личные воспоминания, собираемые еще с 1970-х годов, вышла с сокращениями.

Самое большое влияние официальная государственная точка зрения оказала на данные о количестве жертв блокады. На Нюрнбергском процессе обвинитель со стороны Советского Союза назвал, казалось бы, точно вычисленное количество жертв ленинградской блокады – 623.253. Эта цифра больше не подвергалась обсуждению в советской историографии. В мае 1960 года было открыто Пискаревское кладбище, где захоронено около 500.000 человек, умерших в блокаду. Тем самым было создано важное место памяти о жертвах, которое, однако ничего не говорило об их истинном количестве. В западных источниках советского времени приводится цифра в 800.000 жертв. Со времени распада Советского Союза все архивные документы и свидетельства очевидцев, переживших блокаду, интенсивно изучаются и дискутируются на международном уровне. В настоящий момент наиболее вероятной считается цифра в 1.000.000 жертв.

В конце концов точное количество жертв – это, может быть, и не основное в памяти об этой великой трагедии. Самое главное, что присутствует во всех работах и дискуссиях – это признание в полной мере ужасных страданий ленинградцев. Сегодня это возможно. И это то, что определяет историю Ленинграда, сегодняшнего Санкт-Петербурга со времени начала блокады, уже без малого 80 лет.

Др. Йорг Морре

Директор Германско-российского музея Берлин Карлсхорст

Vorwort der Leiterin des Staatlichen Museums der Verteidigung und der Blockade Leningrads

Durch die langjährige Tätigkeit als Leiter des Hauptkomplexes des Museums zur Erinnerung an die Verteidigung und Blockade von Leningrad während des Zweiten Weltkrieges fühle ich immer stärker eine persönliche Verbindung zu diesen Geschehnissen.

Hitlers Armee schloss den Blockadering um Leningrad am 8. September 1941 in der Erwartung, dass die Bewohner die täglichen Bombardements, Artilleriefeuer und Hunger nicht aushalten und aufgeben würden. Am Anfang des Krieges betrug die Einwohnerzahl Leningrads etwas mehr als 3 Millionen Menschen. Der Hunger wurde zum größten Leid der Bewohner der belagerten Stadt. Mehr als eine halbe Million Soldaten und Offiziere gaben ihr Leben für die Verteidigung Leningrads. Leningrad wurde nach zahlreichen Versuchen erst am 27. Januar 1944 vollständig befreit.

In Russland wird die Erinnerung an die Verteidiger der Stadt sorgfältig aufbewahrt. Das Denkmal für die heroischen Verteidiger Leningrads wurde am 9. Mai 1975 eröffnet, aber die Idee dazu entstand schon während des Krieges im Jahre 1942. Die Erbauung des Denkmals wurde zu einer nationalen Sache. Man sammelte große Spenden und am Bau beteiligten sich zahlreiche Freiwillige. Die Urheber des Denkmals – der Nationalmaler der UdSSR Michail Anikuschin und die Nationalarchitekten der UdSSR Valentin Kamensky und Sergei Stepansky – waren Teilnehmer der Leningrader Blockade. Sie schöpften aus ihren eigenen Erinnerungen und Gefühlen, um ihre persönliche und die allgemeine Erinnerung der Tragödie der Blockade und des Heldentums der Verteidiger Leningrads zu verkörpern. Der sich an der Oberfläche befindliche Teil der Komposition des Denkmals schmückt den Platz des Sieges mit einer mehrfigurlichen Skulptur, einer architektonischen Allegorie eines Kreises, welcher die feindliche Blockade Leningrads darstellt, und mit einem Obelisken von 48,5 Meter Höhe. Unter dem Platz: ein Erinnerungssaal mit einer einzigartigen Innenausstattung und Ausstellung, die über die Verteidigung und Blockade Leningrads erzählen. Die Filmausschnitte aus der Zeit der Leningrader Blockade, die Geräusche des Metronoms und die Signale des Blockade-Radios, welches täglich die Chronik der Blockade wechselte – das alles schafft eine Atmosphäre einer vollständigen Versenkung in die Geschichte.

Seit seiner Eröffnung vor vier Jahrzehnten hat das Denkmal für die heroischen Verteidiger Leningrads nichts an seiner Aktualität und Popularität verloren. Im

Jahr kommen mehr als 500 Tausend Besucher zum Denkmal. Politische Delegationen zahlreicher Länder beginnen ihren Besuch mit der Niederlegung von Blumen beim Denkmal.

Elena Lezik

Leiterin des Staatlichen Museums der Blockade und der Verteidigung Leningrads
St. Petersburg

Предисловие директора Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда

Многие годы работая руководителем главного музейно-мемориального комплекса, посвященного обороне и блокаде Ленинграда в годы Второй Мировой войны, я все острее ощущаю личную причастность к этим событиям. Гитлеровские войска замкнули блокадное кольцо вокруг Ленинграда 8 сентября 1941 года, рассчитывая, что жители не выдержат ежедневных бомбежек, артиллерийских обстрелов, голода и сдадутся. На начало войны население Ленинграда составляло чуть более 3 миллионов человек. Голод стал главной бедой жителей осажденного города. За период 900-дневной блокады погибли более миллиона мирных жителей. Более полумиллиона солдат и офицеров отдали свои жизни, защищая Ленинград. Только 27 января 1944 года, после многочисленных попыток Ленинград был полностью освобожден.

В России бережно чтут память защитников нашего города и всех переживших блокаду. 9 мая 1975 года был открыт монумент героическим защитникам Ленинграда. Сооружение памятника стало всенародным делом. Были собраны крупные пожертвования, на строительстве работали многочисленные волонтеры. Ансамбль наземной части Монумента украшает площадь Победы многофигурной скульптурной композицией, архитектурной аллегорией кольца вражеской блокады Ленинграда и обелиском высотой в 48,5 м. Под площадью – музейно-мемориальный зал с уникальным внутренним убранством и экспозицией, повествующей об обороне и блокаде Ленинграда. Кадры кинохроники времен блокады, звук метронома и сигналы блокадного радио, ежедневно сменяемые страницы Летописи блокады Ленинграда – все это создает атмосферу полного погружения в историю. По прошествии четырех десятилетий после открытия Монумент героическим защитникам Ленинграда не утратил своей актуальности и популярности. В год мемориал посещает более 500 тысяч человек.

Директор Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда

Елена Лезик

In St. Petersburg wird das Gedenken an die Leningrader Blockade gepflegt. Zahlreiche Gäste der Stadt besichtigen das Denkmal – das den durchbrochenen Ring der Blockade symbolisiert – und das Staatliche Museum der Verteidigung und der Blockade Leningrads. Auf dem Piskarewskoje Friedhof, wo die meisten Opfer begraben sind, werden Blumen und Kränze niederlegt.

В современном Санкт-Петербурге глубоко чтут память о блокаде Ленинграда. Многочисленные туристы и гости города посещают памятный мемориал – разорванное кольцо, символизирующее проыв блокады – и государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. На Пискаревском кладбище, где похоронены многочисленные жертвы блокады, возлагаются цветы.

Über die Leningrader Blockade und ihre Überlebende

Über die Leningrader Blockade wurden viele Berichte, Erzählungen und Bücher geschrieben, Fotoalben für Kinder publiziert, Lieder aufgeführt, Dokumentar- und Spielfilme produziert. Eine Blockade ist ein Zustand, in dem die militärischen Handlungen des Gegners sich auf die vollständige Isolation des Objektes der Blockade auf dem Land, dem Meer und in der Luft richten. Die blitzschnell heranrückende deutsche Armee schaffte es im Herbst 1941 nicht Leningrad auf Antrieb einzunehmen. Die Stadt wurde infolgedessen vom 8. September 1941 bis zum 27. Januar 1944 belagert. Die deutsche Führung hatte sich entschieden die schrecklichste Waffe gegen die Millionenstadt und ihre Bevölkerung einzusetzen – den Hunger. Der Massentod von Einwohnern dieser Großstadt durch Verhungern wurde von der deutschen Führung gezielt herbeigeführt und ist in diesem Ausmaß weltweit beispiellos.

Trotz der schwierigsten Umstände, die sich in der Stadt ergeben haben, verteidigten die Leningrader ihre Stadt – neben der harten Arbeit fanden sie sogar Zeit für Kunst und Musik. Wir kennen nicht die genaue Zahl der während der Blockade durch Hunger, Kälte, Artilleriebeschuss und Bombardement Verstorbenen. Sie schwankt zwischen 600.000 und 1,2 Millionen Menschen.

Heutzutage leben in verschiedenen Teilen der Welt einige Tausende Überlebende der Blockade („Blokadniki“). Jedes Jahr zum Jahrestag des Endes der Leningrader Blockade am 27. Januar versammeln sich Leningrader aus allen Teilen der Welt. In St. Petersburg wurde die „Internationale Vereinigung der Blokadniки“ gegründet. In verschiedenen Städten Deutschlands gründeten sich Verbände der Blokadniки. Sie haben zum Beispiel in Köln, Hamburg und Düsseldorf jeweils bis zu 50 Mitglieder. In Berlin leben mehr als 60 Blokadniки. Sie werden durch die Berliner Vereinigung „Lebende Erinnerung“ vereinigt, welche beim Club-Dialog e.V. angesiedelt ist. Unter den Berlinern, die sich die vollen 28 Monate – oder wie man sagt 900 Tage – in der Blockade befunden haben, sind nur noch wenige geblieben. Der größte Teil der Blokadniки-Kinder wurde im Winter und im Sommer 1942 aus der Stadt evakuiert.

In dem vorliegenden Erinnerungsband erheben wir keinen Anspruch auf Vollständigkeit oder neue Erkenntnisse in der Auslegung der Zeit der Blockade. Jeder von uns hat seine Erinnerungen, seine Tragödien und Dramen, aber natürlich gibt es viele Gemeinsamkeiten: Wir alle haben Verwandte und Freunde in der Blockade, bei ihrem Durchbruch und in den ersten Jahren danach verloren. Viele unserer Kollegen haben, aufgrund verschiedener Umstände, es ausdrücklich abgelehnt an dieser nicht einfachen Arbeit teilzunehmen. Die Erinnerungen und das erneuerte

Durchleben der Ereignisse dieser Jahre sind zu schwer.

Deshalb haben wir den Versuch unternommen, den Teil der Blokadniки für unsere Arbeit zu gewinnen, die in der Lage sind, ihre Erinnerungen nochmals hervorzurufen und mit den jungen Lesern zu teilen. Es schien, dass es sehr wichtig für die heranwachsende Generation, unabhängig von ihrer Religion, Abstammung, Sprache oder Wohnort, ist, unmittelbar von den Zeitzeugen über die Schrecken und Leiden, welche ihre Großväter und Urgroßväter in den Jahren des Zweiten Weltkrieges überlebt haben, zu erfahren.

Wer wir auch sind und wo wir auch leben: Wir brauchen nur Frieden auf der ganzen Welt und keinen Krieg!

Vorstand der Berliner Vereinigung „Lebendige Erinnerung“

Dr. Leonid Berezin

Leningrad, SNewskij Prospekt

“Diese Straßenseite ist bei einem Artilleriebeschuss besonders gefährlich!” – solche Aufschriften fand man überall in Leningrad während des Krieges und lange Zeit danach.

“При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна” – такие надписи можно было найти по всему Ленинграду во время войны и еще долгие годы после ее окончания.

О блокаде Ленинграда и людях, ее переживших

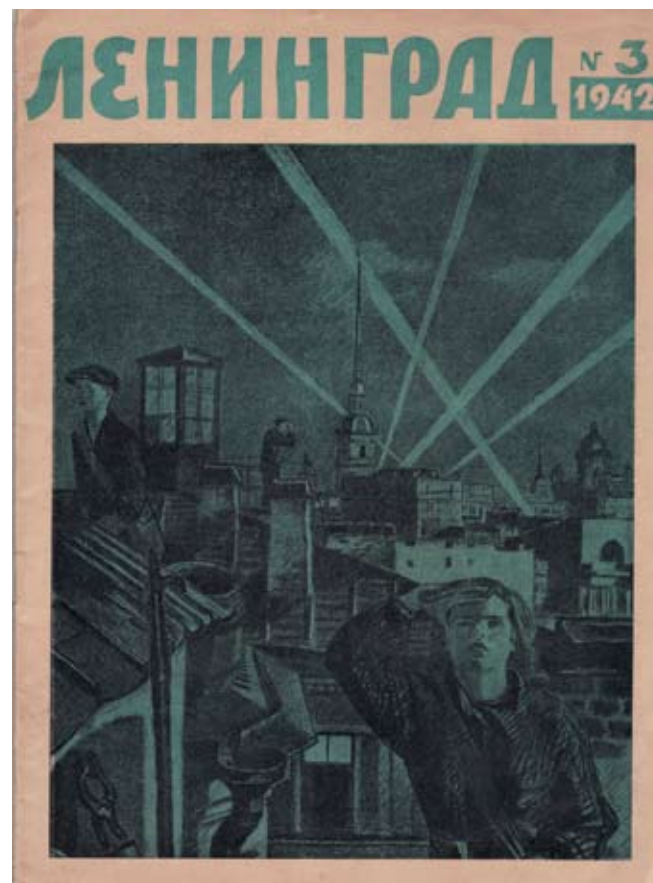
О блокаде Ленинграда написано много очерков, рассказов, книг, опубликованы десятки фотоальбомов, поставлены пьесы, выпущены документальные и художественные кинофильмы. Блокада — это такое положение, когда военные действия противника направлены на полную изоляцию объекта блокады на суше, на море и в воздухе. Летом-осенью 1941 года стремительно наступавшим германским войскам сходу не удалось взять Ленинград (сегодня: Санкт-Петербург). Город был окружён и с 8-го сентября 1941 года до 27 января 1944 года находился на осадном положении. Германское командование решило применить самое коварное, самое страшное оружие против многомиллионного города и его жителей — голод. Подобное сознательно спланированное массовое убийство жителей города путем голода не знает precedентов в истории. Несмотря на тяжелейшее положение, сложившееся в городе, ленинградцы оборонялись, трудились, творили. Точных данных о численности погибших в блокаду от голода, холода, артобстрелов и бомбёжек мы не знаем. Они колеблются от 600 тысяч до одного миллиона двухсот тысяч человек.

Очевидцев, борцов, участников, переживших то страшное, холодное, голодное блокадное время остаётся из года в год всё меньше и меньше. В силу различных обстоятельств в настоящее время в разных странах мира проживает несколько тысяч блокадников. И каждый год на годовщину снятия блокады Ленинграда 27-го января собираются ленинградцы со всех уголков мира. В Петербурге создана «Международная организация блокадников». В различных городах ФРГ действуют общества блокадников. Например, в Кёльне, Гамбурге и Дюссельдорфе они объединяют до 50-ти человек. В Берлине проживает более 60-ти блокадников. Их объединяет Берлинская Ассоциация «Живая память», которая работает уже много лет при Клубе «Диалог». Среди берлинцев осталось всего несколько человек, которые находились в блокаде все 28 месяцев, или как говорят 900 дней. Большинство блокадников-детей и подростков было вывезено из города зимой и летом 1942 года.

Настоящий «Сборник воспоминаний блокадников» не претендует на полноту и достоверность, на новизну изложения событий блокадной поры. У каждого из нас свои воспоминания, свои трагедии и драмы, но естественно, есть и много общего: в блокаду, при её прорыве и в первые послевоенные годы мы потеряли родных и близких нам людей. Многие из наших коллег, в силу разных причин, категорически отказались от участия в этой непростой работе. Слишком тяжело вспоминать и снова переживать события тех лет.

Поэтому мы просто предприняли попытку привлечь ту часть блокадников, которая в состоянии ещё раз вспомнить и поделиться с молодым читателем своими воспоминаниями. Нам показалось, что подрастающему поколению, независимо от вероисповедания, независимо от того, где они живут и на каком языке они общаются, очень важно узнать из уст очевидцев о тех ужасах и страданиях, которые перенесли их деды и прадеды в годы Второй мировой войны. И где бы мы не были: нам нужен только Мир на всей Земле и не нужна война!

Председатель Берлинской Ассоциации «Живая память»
к. э. н. Леонид Березин
Берлин

Über das Projekt „Wir dürfen nicht vergessen: Überlebende der Leningrader Blockade im Dialog mit der Gesellschaft“ (2016-2021)

Das Projekt vom Club Dialog e.V., das seit 2016 die Arbeit der im Jahre 2012 gegründeten Berliner Vereinigung der Überlebenden der Leningrader Blockade „Lebendige Erinnerung“ unterstützt, wird von der Stiftung „Erinnerung, Verantwortung und Zukunft“ finanziert. Die Vereinigung der Überlebenden zählt z.Z. ca. 60 aktive Mitglieder aus Berlin und Brandenburg. Die Mitglieder der Vereinigung treffen sich regelmäßig, erhalten Beratung und Unterstützung im Alltag und führen aktives kulturelles und gesellschaftliches Leben – feiern zusammen Feiertage und andere wichtige Daten, machen Ausflüge, vernetzen sich mit anderen Organisationen und Vereinen. Eine wichtige Aufgabe der Vereinigung ist Zeitzeugenarbeit. Die Überlebenden treffen sich mit jungen Leuten und unterschiedlichen gesellschaftlichen Gruppen (z.B. Geflüchteten) und erzählen über ihre Erlebnisse während des Krieges und der Blockade in Interviews und Podiumsdiskussionen. Im Rahmen des Projektes werden darüber hinaus jährliche Informations- und Gedenkveranstaltungen (vor allem im September und Januar, an den Tagen, an denen die Belagerung angefangen hat und aufgehoben wurde), Vernetzungstreffen mit Organisationen der Überlebenden aus anderen Bundesländern durchgeführt. Zu erwähnen ist unter anderem auch eine russisch-deutsche Theaterproduktion, in der die Schicksale der Projektteilnehmer aufgearbeitet wurden (2018-2019) und auch die Teilnahme an dem Berliner Doku-Projekt „Kinder des Krieges“ (2020). Im Jahr 2021 nahmen die Mitglieder der Vereinigung an dem gemeinsamen deutsch-russischen Projekt „Humanitäre Geste“ teil, bei dem die Überlebenden ihre Erinnerungen mit den Schülern und Studenten aus zwei Ländern geteilt haben und an der Produktion eines Dokumentarfilmes teilgenommen haben. Weitere Informationen über das Projekt: www.club-dialog.de/lebendige-erinnerung/.

О проекте «Чтобы память жила: пережившие блокаду Ленинграда в диалоге с обществом» (2016-2021 гг.)

Проект объединения Клуб Диалог, которое с 2016 года поддерживает работу созданной в 2012 году Берлинской ассоциации переживших блокаду Ленинграда «Живая память», финансируется Фондом «Память, ответственность и будущее». В настоящее время Ассоциация насчитывает около 60 активных членов из Берлина и Бранденбурга. Члены ассоциации регулярно встречаются, получают консультации и поддержку в повседневной жизни и ведут активную культурную и общественную жизнь – вместе отмечают праздники и важные даты, ездят на экскурсии, встречаются с другими организациями и объединениями. Важной задачей организации является работа по сохранению исторической памяти. Ветераны встречаются с молодыми людьми и различными общественными группами (например, беженцами) и рассказывают о войне и блокаде в интервью. В рамках проекта проводятся ежегодные информационные и памятные мероприятия (особенно в сентябре и январе, в дни, когда блокада была установлена и снята), встречи с организациями ветеранов из других федеральных земель. Отдельно стоит упомянуть российско-немецкую театральную постановку по мотивам воспоминаний участников проекта (2018-2019), а также участие в берлинском документальном проекте «Дети войны» (2020). В 2021 году члены ассоциации блокадников приняли участие в совместном российско-германском проекте «Гуманитарный жест» – поделились своими воспоминаниями со школьниками и студентами из двух стран и приняли участие в создании документального фильма. Информация о проекте: www.club-dialog.de/lebendige-erinnerung/.

Mitglieder der Berliner Vereinigung "Lebendige Erinnerung"

Члены берлинской ассоциации "Живая память"

Wladimir Romanowitch Andrejew

geb. 1927, Elektroingenieur, in Deutschland seit 2000

Unsere Eltern waren repressiert (im Arbeitslager) und ich lebte mit meinem Bruder bei unserer Großmutter in der Majakowski Straße. Am Anfang des Krieges arbeitete ich als Elektrikerlehrling im Bauamt des Bezirks Dzerzhinsky. [...] Ich erinnere mich, dass ich die Woinowa Straße entlang ging, als das Bombardement anfang und ein großes Stück vom Baum durch einen glücklichen Zufall neben mich fiel – ein Glück ...“ Am 6. April 1942 wurden wir zusammen mit dem Kinderheim in die Stadt Waldai evakuiert.

Владимир Романович Андреев

1927 г.р., инженер-электрик, в Германии с 2000 года

Наши родители были репрессированы, и мы с братом жили у бабушки на ул. Маяковского. В начале войны я пошёл работать учеником электромонтёра в стройконтору Дзержинского района. [...] помню, когда я шёл по ул. Войнова, начался артобстрел и, по счастливой случайности, рядом со мной упал большой обломок дерева – пронесло...“ 6 апреля 1942 года вместе с детским домом нас эвакуировали на Валдай.

Tatjana Alexandrowna Andrejewa

geb. 1929, Elektroingenieurin, in Deutschland seit 2000

Ende Februar 1942 wurden meine Schwester und ich nach Kuban evakuiert. Als die Deutschen näher kamen, flohen wir über den nördlichen Kaukasus nach Krasnodar, danach mit dem Zug weiter nach Noworossijsk und im August 1942 weiter nach Sochumi, über das Meer auf dem oberen Deck eines kleinen Ausflugsschiffes. Und um uns herum Wasserfontänen der fallenden Bomben...

Татьяна Александровна Андреева

1929 г.р., инженер-электрик, в Германии с 2000 года

В конце февраля 1942 года нас с сестрой эвакуировали на Кубань. Когда подошли немцы, мы бежали через Северный Кавказ в Краснодар, потом поездом в Новороссийск, оттуда морем, в августе 1942, в Сухуми на маленьком прогулочном судёнышке на верхней палубе – а вокруг вздымались фонтаны воды от падающих бомб...

Evgenia Semjonowna Bakschi

geb. 1935, Pharmazeutin, in Deutschland seit 1999

Ich habe die ganzen 900 schweren Tage der Blockade in Leningrad verbracht. Ich erinnere mich, dass meine Tante während der Blockade in dem Amt gearbeitet hat, welches sich im Gebäude an der Ecke des Newski-Prospekts und der Gogol Straße befand. Den ganzen Winter habe ich meine Tante zur Arbeit begleitet. Wir gingen zu Fuß. Sie war sehr schwach und ausgehungert, und ich musste mir merken, wo sie hinfallen würde und dann nach Hause zu gehen, damit meine Eltern sie auf einem Schlitten holen und entweder nach Hause oder zum nächstgelegenen Sammelpunkt für Leichen bringen konnten.

Und noch eine Episode: Im Dezember 1941 fingen wir an Tischlerleim zu essen. Meine Großmutter ging zum Markt und tauschte alte Sachen gegen Kleber. Normalerweise aßen die Erwachsenen eine Sülze aus Kleber am Abend. Mir wurde gesagt, dass wenn sie morgens nicht aufwachen würden, ich zum Onkel gehen sollte, er würde mich aufnehmen. Am nächsten Morgen wachten alle auf und seitdem aß ich zusammen mit allen einmal die Woche Tischlerleim.

Евгения Семёновна Бакши

1935 г.р., фармацевт, в Германии с 1999 года

Прожила в Ленинграде все 900 тяжелейших дней блокады. Вспоминаю, что моя тётя во время блокады работала в организации, которая находилась в здании на углу Невского проспекта и улицы Гоголя. Всю зиму я провожала тётю на работу. Мы шли пешком. Она была очень слаба – от недоедания, и там, где она упадёт нужно было запомнить, вернуться домой, чтобы родные могли её забрать и на саночках отвести домой или на ближайший сборный пункт трупов.

...И ещё один эпизод. В декабре 1941 г. мы начали есть столярный клей. Бабушка ходила на базар и меняла старые вещи на клей. Обычно взрослые ели студень из клея вечером. Мне было сказано, что, если утром не проснёшься, иди к дяде он тебя заберёт. Наутро все проснулись и с тех пор я вместе со всеми стала один раз в неделю есть столярный клей.

Leonid Iljitsch Berezin

geb. 1929, Radioingenieur und Wirtschaftswissenschaftler, in Deutschland seit 1992

Für uns Kinder ging der Krieg überraschend los. Das Leben in Leningrad wurde härter. Die Hausverwaltung ordnete an, die Fenster kreuzweise mit Papierstreifen abzukleben. In der Hoffnung, dass diese Maßnahme das Glas während des Bombardements und des Beschusses vor Zerstörung schützt. Zeitung, Schere, Kleber. Fertig. Wir waren so naiv damals.

Eines Tages, an einem der Julitage, besuchte uns mein Vater. Das Bein verbunden. Eine Krücke in der Hand. Mit Mühe laufend. Ich habe ihn seit dem nicht mehr lebend wiedergesehen. Mein Vater hatte den ganzen Krieg an der Leningrader Front verbracht. Für seine Tapferkeit und seinen Mut wurde er mit dem Orden des Roten Sterns ausgezeichnet.

Der Krieg war im vollen Gange. Die deutschen Truppen näherten sich Leningrad. Die Evakuierung fing an. Ich wurde zusammen mit vielen anderen Kindern im selben Alter in die Viehwägen geladen. Der Zug fuhr los, aber nicht Richtung Osten, sondern Richtung Westen! In Richtung der Stadt Luga. Aber, wie es etwas später klar wurde, hatte man die Kinder genau in Richtung der schnell heranziehenden feindlichen Truppen gefahren. Das Bombardement begann. Der Zug hielt an. Wir

alle sprangen aus den Wägen und sprangen in die Büsche. Als der Schrecken vorbei war, kamen wir langsam zu uns. Schauten uns um. Die Erinnerung an dieses Bild ist erschreckend. Wir hatten Glück. Wir blieben heil. Was nun? Eine Erzieherin übernahm die Verantwortung für die übrig gebliebenen Kinder. Viele Jahre später wurde erfuhren wir, dass einige tausend Leningrader Kinder, die auf diesem Weg in das sogenannte rückwärtige Armeegebiet evakuiert wurden, in die Hände der Deutschen gefallen waren. Unsere kleine Gruppe bewegte sich zu Fuß zurück nach Hause. Wir liefen meistens im Dunkeln. Ruhten uns, dort wo wir mussten, aus. Am dritten Tag waren wir entkräftet, die Kleinen weinten, es wurde schwer sie zu tragen. An uns vorbei zogen und zogen Rotarmisten und Kriegstechnik. Unsere Erzieherin winkte, schreite, bittet um Hilfe. Am Ende des Tages hielt neben uns plötzlich ein Lastwagen an. Scheinbar hatte der Fahrer Mitleid mit den Kindern. Er wüsste bestimmt, dass die Deutschen in wenigen Minuten hier wären. Er schmiss uns alle in den Laderaum und am späten Abend waren wir in den Armen unserer teuren und lieben Mutter und Tante Vera.

Леонид Ильич Березин

1929 г.р., радиоинженер, экономист, в Германии с 1992 года

Для нас детей война началась неожиданно. Жить в Ленинграде становилось труднее. Домоуправление распорядилось заклеить окна крест-накрест полосками бумаги. В надежде, что эта мера уберезит стёкла во время бомбёжек и артобстрелов от разрушения. Газеты, ножницы, клей. Готово. Какими мы были наивными. [...] Однажды, в один из июльских дней из Старой Руссы к нам приехал мой папа. Нога перевязана. В руках трость. Еле, еле идёт. Отпросился у командования повидаться и попрощаться с отцом и сыном перед отправкой на фронт. Больше я его живым не видел. Он погиб 24 января 1944 года. За храбрость и мужество отца, как командира орудийного расчёта, наградили медалями и орденом Красной Звезды.

[...] Война шла полным ходом. Немецкие войска приближались к Ленинграду. Началась эвакуация. Все необходимые вещи собраны и уложены в мешки. Меня вместе с моими двоюродными сёстрами и многими другими детьми в этом же возрасте грузят в товарные вагоны. Поезд тронулся, но не на восток страны, а в западном направлении! В сторону города Луги. Но, как стало ясно немного позднее, детей повезли прямо навстречу стремительно приближающимся вражеским частям. Началась бомбёжка. Поезд остановился. Помогая друг другу, все выскочили из вагонов и бросились в кусты. Когда закончился этот кошмар, мы стали постепенно приходить в себя. Осматриваться по сторонам. Страшно вспоминать эту картину. Нам повезло. Мы уцелели. Что делать дальше? Уцелевшая воспитательница взяла

все заботы об оставшихся детях на себя. Много лет спустя стало известно, что несколько тысяч ленинградских детей, эвакуированных в так называемый тыл, попали в руки немцев. Судьбы их сложились по-разному. А наша небольшая группа двинулась пешком обратно домой. Шли, в основном, в темноте. Отдыхали, где придётся. Начались проблемы с питанием. На третий день пути мы были без сил, младшие плакали, нести их стало тяжело. Мимо идут и

едут, обгоняя нас, красноармейцы, боевая техника. Наша воспитательница машет, кричит, просит о помощи. К концу дня, вдруг рядом с нашей группой остановился грузовик. Командиру, видимо, стало жаль детей. Он знал наверняка, что через несколько минут здесь будут немцы. Всех нас забросили в кузов и поздно вечером мы оказались в объятиях нашей дорогой и любимой мамы, и тётки Веры.

Treffen der „Blokadniki“ mit jungen Leuten, den Teilnehmern eines FSJ-Seminars beim Club Dialog e.V. im Juli 2016.

Встреча блокадников с молодежью – участниками семинара Волонтерского социального года в Клубе Диалог в июле 2016 года.

Natalia Pavlovna Bretschneider

geb. 1940, Angestellte, in Deutschland seit 1968

Ich erinnere mich nicht an die Blockade selbst. Aber mein ganzes Leben habe ich mit dem Gefühl der Dankbarkeit und Verantwortung gegenüber den Menschen gelebt, die mich in dieser Zeit beschützt und gerettet haben.

Ich bin im Jahr 1940 geboren und verbrachte die ganze Blockade in der belagerten Stadt. Meine Mutter arbeitete in einer Fabrik. Mein Vater, der wegen seiner Schwäche vom Militärdienst befreit wurde, ging als Freiwilliger zum Ausheben von Schützengräber am Rande der Stadt, wo er im Jahr 1942 vermisst gemeldet wurde.

Meine Großmutter wohnte mit uns und hielt mich immer warm in ihrem Pelzmantel. Wir schliefen mit ihr in einem Bett und eines Morgens des Jahres 1943 wachte meine Großmutter nicht mehr auf. Meine Brüder, die 8 und 12 Jahre alt waren, und mein Onkel teilten ihr Essen mit mir. So retteten sie mich vor dem Verhungern. Doch das Schicksal verschonte sie nicht - sie alle starben im Jahr 1942. Meine Mutter musste mich dann allein lassen, wenn sie zur Arbeit ging. Sie war überrascht, dass ich mich im so zarten Alter so vernünftig verhielt.

Ich denke, irgendwie ist diese Zeit für mich prägend gewesen, sie hat

rascht, dass ich mich im so zarten Alter so vernünftig verhielt. Ich denke, irgendwie ist diese Zeit für mich prägend gewesen, sie hat meine Entwicklung und einige meiner Charaktereigenschaften stark beeinflusst.

Jedes Mal, wenn ich meine Lieblingsstadt besuche, komme ich zur Gedenkstätte am Friedhof Piskarevo, zu den Menschen, die es verdient haben, ewig in Erinnerung zu bleiben!

Наталья Павловна Бретшнайдер

1940 г.р., служащая, в Германии с 1968 года

Саму блокаду я не помню. Но всю свою сознательную жизнь живу с чувством благодарности и долга перед людьми, которые оберегали меня в это чудовищное время, и отдали самое дорогое, что у них было — жизнь.

Я родилась в 1940-м году и провела всю блокаду в осаждённом городе. Я была любимым ребёнком в семье. Мама всю войну работала на фабрике. Папа, освобождённый по зрению от воинской обязанности, записался добровольцем на рытьё окопов на подступах к городу возле Синявинских болот, где и пропал в 1942 году без вести.

С нами жила бабушка, которая грела меня в своём полушубке. Мы спали валетом, и в одну из ночей 1943 года бабушка не проснулась. Братья, которым было 8 и 12 лет, и дядя делились со мной едой, спасая меня от голода. А вот их судьба не пощадила. Они все умерли в 1942-м году. После этого маме приходилось, уходя на работу, оставлять меня одну.

Она удивлялась тому, что малышка вела себя не по возрасту разумно, ничего не натворив. Я думаю, это время как-то не прошло для меня бесследно, отразилось на формировании моего развития и некоторых черт моего характера. Посещая всякий раз любимый город, я прихожу на мемориальное Пискаревское кладбище, к людям, которые заслужили, чтобы о них помнили вечно!

Maria Jakovlevna Burakova

geb. 1926, Französischlehrerin, Schuldirektorin, in Deutschland seit 1993

Im Juli 1941 wurde meine Mutter zusammen mit anderen arbeitsfähigen Nachbarn und Bewohnern vom Wohnungsbüro des Hauses, in welchem wir wohnten, für längere Zeit zu Verteidigungsarbeiten abberufen – Gräben müssten gegraben werden.

Bald danach wurden wir von der Witebski Station Richtung der Stadt Luga evakuiert. Dort hielt man uns eine ganze Woche in Güterwagen. Jeden Abend wurde der Zug von deutschen Flugzeugen überflogen, welche uns gezielt beschossen. Wir versteckten uns in den Büschen. Manchmal flogen die Flugzeuge so niedrig über uns hinweg, dass wir die Gesichter der deutschen Piloten sehen konnten. Eines Tages, am frühen Morgen sprangen drei Mädchen in den Zugwagen. Wohin geht ihr? Der Zug bewegt sich in Richtung der Front. Wir gingen nicht raus und blieben im Wagen, verquatschten den ganzen Tag und fanden uns in Leningrad wieder... Im Winter ging ich mit einem Kanister Wasser holen. Nicht weit vom Haus gab es eine offene Luke mit sauberem Wasser. Es herrschte Frost bis zu minus 30 Grad. Eines Tages füllte ich meinen Kanister mit Wasser, aber er zog mich runter zur

Luke. Die Schlange schwiag. Niemand erhob die Hand um mir zu helfen. Alle waren so schwach, dass niemand die Kraft hatte mir zu helfen. Mit viel Mühe kroch ich weg von der Luke. Die Schlange schwiag und schöpfte weiter Wasser.

Ich fütterte meine Mutter mit dem Löffel. Auf der Woinow Straße befand sich die militärische Einheit, in welcher der Bruder meiner Mutter diente. Er gab uns ein Stückchen Brot von seiner Ration ab und mir gab er manchmal Bonbons. Eines Tages, als ich nach Hause ging, kam mir langsam ein Mann entgegen, der die Leiche eines jungen Manns hinter sich her zog, dessen lange Haare auf dem Boden schleiften.

Мария Яковлевна Буракова

1926 г.р., учитель французского языка, директор школы, в Германии с 1993 года

В июле 1941 г. от жилищной конторы, дома в котором мы жили, мою маму вместе с другими работоспособными соседями и жильцами направили на длительное время на оборонительные работы – надо было копать окопы. Вскоре с Витебского вокзала нас отправили в сторону города Луга. Там нас в товарных вагонах продержали целую неделю. Каждый вечер над составом пролетали на бреющем полёте немецкие самолёты, которые вели прицельный огонь. Мы прятались в кустах. Иногда самолёты летели над нами так низко, что мы видели лица немецких лётчиков. Однажды, рано утром три девчонки вскочили в вагон. Куда вы? Состав идёт на фронт. Мы не вышли, остались в вагоне, проболтали сутки и снова оказались в Ленинграде...

Зимой с бидончиком ходила за водой. Недалеко от дома был открыт люк с чистой водой. Стояли морозы до 30 градусов. Однажды я набрала полный бидон, и он потянул меня в люк с ледяной водой. Очередь молчала. Никто не протянул руки. Все были настолько слабы, что ни у кого не было сил мне помочь. С большим трудом я отползла от люка. Очередь молча продолжила набирать воду.

Маму кормила с ложечки. На улице Воинова, это примерно десять остановок от нашего дома, была войсковая часть, в которой служил мамин родной брат. Он оставлял нам кусочек хлеба, от своего пайка, а меня иногда угощал конфетами. Однажды, когда я шла к дяде, на встречу медленно шёл мужчина, везущий на саночках труп молодого человека, длинные волосы которого тянулись по земле.

Raisa Markowna Fayn

geb. 1929, Anwältin, in Deutschland seit 2000

Als die deutsche Armee Leningrad näher kam, sollten die unteren Klassen unserer Schule nach Staraja Russa evakuiert werden. Ich habe mich sehr gefreut, da ich noch nie mit einer Gruppe von Freunden verreist war. Am Abend vor der Evakuierung meinte meine Mutter plötzlich, dass ich nirgendwohin fahren sollte. Und so blieb ich zu Hause. Zwei meiner sehr guten Freundinnen aus der Schule, Lydia und Talja, wurden mit den anderen Kindern evakuiert worden. Einige Tage später hörten wir dann vom Versagen der Planer der Evakuierung – die ganze Gruppe von Kindern war in Richtung des Feindes evakuiert worden und unter heftiges Bombardement gekommen. Lydia verlor beide Beine und Talja lag mit Verbänden am ganzen Körper im Krankenhaus, wo ich sie auch besuchte. Dort flüsterte sie mir zu, dass sie alles sehr schmerzte; sie starb noch in derselben Nacht. Ich habe nicht die ganze Blockade in Leningrad verbracht – es wäre unmöglich gewesen die ganze Blockade zu überleben. Ich wollte nur essen und bat meine Mutter ständig mir etwas zu geben. Eines Tages fand meine Mutter die Verpackung eines Bonbons namens „Mischka“, in welches sie ein Stück Ziegelstein wickelte und es mir gab. Ich fing sofort an daran zu lutschen und, obwohl meinte Mutter mich ermahnte, dass es doch keine echte Süßigkeit war, nagte ich noch sehr lange daran. Ich wollte nur essen und etwas im Mund haben. Schließlich wurden wir über den Ladoga See evakuiert.

Раиса Марковна Файн

1929 г. р., адвокат, в Германии с 2000 года

Когда германские войска приблизились к Ленинграду, все младшие классы нашей школы должны были быть эвакуированы в Старую Руссу. Я тогда очень обрадовалась, так как еще никогда не ездила куда-либо с друзьями. Вечером непосредственно перед эвакуацией моя мама внезапно сказала, что я никуда не поеду, и так я осталась дома. Мои две лучшие подруги из школы – Лидия и Таля – были эвакуированы вместе с другими детьми. Несколько дней спустя мы все услышали о роковом просчете нашего правительства – вся группа детей была эвакуирована в сторону приближающегося врага и попала под сильный обстрел. Лидия потеряла обе ноги, а Таля лежала с повязками на всем теле в госпитале, где я ее посетила. Там она только прошептала мне, что у нее все болит... в эту же ночь она умерла. Я не всю блокаду провела в Ленинграде, так как невозможно было бы выжить. Я все время просила маму дать мне поесть. Однажды мама нашла обертку от конфет «Мишка», завернула в нее кусочек кирпичика и дала мне. Я сразу же положила его в рот и стала сосать, и, хотя моя мама говорила мне, что это не настоящая сладость, я еще долго его «ела». Мне только хотелось есть и что-то иметь во рту. Наконец нас эвакуировали по Ладожскому озеру.

Isaak Abramowitch Dorfmann

geb. 1932, Fahrer, in Deutschland seit 2000

Im Jahre 1942 war ich 10 Jahre alt und arbeitete bereits an einer Spinnmaschine, die Teile für die riesigen Scheinwerfer produzierte, die später Marschall Schukow für den Vorstoß auf Berlin benutzte. Im Februar wurden die jüngeren Handwerker, insgesamt 700 Kinder, durch den Wald in Richtung der Dörfer Ziharewo und Borisowa Griwa ausgefahren. Wir wurden in Güterwagen ausgefahren. Als man uns an den Ladoga See herangefahren hatte, liefen die Militärs zu einem Maschinisten und sagten, dass wenn er sich bewegte, sie ihn erschossen, da sich ein 1,5 Meter hoher Berg von Leichen auf der ganzen Länge der Schienen befand. Erst um zwei Uhr morgens kamen Busse an. Es war eine Eiseskälte von minus 42 Grad und es herrschte Wind. Wir wurden nach Iwanowo gebracht und auf Krankenhäuser verteilt. Man fütterte uns fünf Mal am Tag. Man wollte mir den rechten Fuß bis zum Knöchel abschneiden. Ich floh aus dem Krankenhaus mit der Hilfe einer Frau aus. So kam ich mit zehn Jahren in ein Waisenhaus.

Исаак Абрамович Дорфман

1932 г.р., водитель, в Германии с 2000 года

В 1942 году я в возрасте 10 лет уже работал на станке, выпускавшем детали для огромных прожекторов, которые в дальнейшем применил Жуков, при наступлении на Берлин. В феврале, младших ремесленников, в составе 700 детей вывозили по секретной ветке железной дороги через лес в сторону сёл Жихарево и Борисова Грива. Везли в «теплушках», когда нас подвезли к Ладоге, то военные побежали к машинисту и сказали, что, если он тронется его расстреляют, т. к. над всей линией железной дороги была гора трупов в 1,5 метра. Только в два часа ночи приехали автобусы. Мороз был 42 градуса с ветром. Утром перегрузили всех детей обмороженных, т. к. ремесленники были в ботинках, я в валенках, но тоже обморозил ноги. Нас привезли в Иваново. Разместили всех по больницам. Кормили пять раз в день. Мне хотели отрезать правую ногу по щиколотку. Я сбежал из больницы, благодаря помощи женщин. Так я в десять лет попал в детский дом.

Alexander Lwowitch Galkin

geb. 1936, Schiffsbauer, in Deutschland seit 1993

Ich war in der Blockade bis zum Sommer 1942. Mein Vater war Lastwagenfahrer. Wegen des Benzinmangels wurden auf den Autos spezielle Motoren installiert, die mit Holzklötzen geheizt werden mussten. Manchmal fanden wir im Lastwagen Reste verstreuten Mehls, welche wir mit einem kleinen Besen zusammen mit dem Dreck aufsaugten.

Александр Львович Галкин

1936 г.р., Кораблестроитель. В Германии с 1993 года.

«... в блокаде находился до лета 1942 года.

Отец был водителем грузовика. Из-за нехватки бензина на машинах устанавливались газогенераторные установки, работающие на дровах-топились чурками.

Иногда в кузове находили остатки рассыпанной муки, которые мы собирали метёлочками вместе с грязью...»

Tamara Naumovna Glinina

geb. 1940, Ingenieurin, in Deutschland seit 2003

Aus den Erzählungen meiner Mutter und Tante weiß ich, dass wir in der winterlichen Kälte Ende Februar 1942 evakuiert wurden. Wir wurden über den Ladoga See auf dem „Weg des Lebens“ auf das Festland gebracht. Dort stand eine Kolonne mit Soldaten, die zur Front unterwegs waren. Sie hatten Essen, welches sie mit uns teilten. Meine Tante erhielt Kagor [süßen Kirchenwein], welcher auf sie heilsam wirkte und meine Mutter schaffte es, sie zu retten. Seitdem wurde der Wein Kagor zu einem heiligen Getränk in unserer Familie. Dann wurden wir weiter ins Hinterland geschickt, in die Hauptstadt Baschkiriens Ufa.

Тамара Наумовна Глинина

1940 г.р., инженер, в Германии с 2003 года

Со слов матери и тёти знаю, что мы были эвакуированы в зимнюю стужу в конце февраля 1942 года. По „Дороге жизни“, проложенной через Ладожское озеро нас доставили на Большую землю. Там стоял эшелон с солдатами направлявшимися на фронт. Мою тётю отпаивали кагором, он подействовал на неё благотворно и маме удалось её спасти. С тех далёких лет вино „Кагор“ стало в нашей семье священным напитком. Далее нас отправили в глубь страны, в столицу Башкирии город Уфа.

Sergej Dmitrievitch Gromov

geb. 1928, dipl. Radioingenieur, in Deutschland seit 1997

Am 22. Juni 1941, an einem Sonntagmorgen, haben wir im Radio von dem deutschen Angriff auf die Sowjetunion gehört. Seit diesem Tag hat sich das Leben in der Stadt dramatisch verändert. Die Geschäfte schlossen, und einige wenige, die offen waren, standen mit leeren Regalen da. Drei Monate später war die Stadt komplett belagert. Für die Einwohner begann ein Leben voller Hunger und Kälte.

Wir hatten eine große Familie: Vater, Mutter, meine drei Schwestern und ich. Wir wohnten in einem 16 qm großen Zimmer, mein Vater arbeitete als Tischler.

Wir hatten nicht genug Brot, welches wir auf Rationskarten bekamen. Wir haben Streifen aus Zeitungspapier an die Fenster geklebt, wie es auch angeordnet war. Nachts wurde die Stadt bombardiert, das Haus bebte. Es war furchterregend.

Ende Februar 1942 wurden wir über die "Straße des Lebens" evakuiert, dann wurden wir mit einem Güterzug in den Ural gebracht. Wir sind aber in der Nähe der Stadt Galitsch ausgestiegen, wo wir Verwandte hatten.

Mein Vater wollte später, im Frühjahr 1943, zu uns kommen. Auf dem Weg fing er sich Typhus ein und starb im Krankenhaus. Meine Mutter begann als Holzfällerin zu arbeiten. Am Anfang waren wir sehr hungrig. Im Frühjahr pflanzten wir in der Nähe des Waldes Kartoffeln und Zwiebeln, im Sommer fanden wir Pilze und

Beeren. So haben wir überlebt.

Im Sommer 1944 wurde ich zur militärischen Ausbildung einberufen, wo wir, 16- bis 17-jährige Jugendliche, in Baracken lebten. Wir lernten schießen und andere Sachen. Aber der Krieg endete zum Glück ohne meine Teilnahme daran.

Сергей Дмитриевич Громов

1928 г.р., радиоинженер, в Германии с 1997 года

22 июня 1941 года в воскресенье утром по радио выступил Молотов и сообщил о нападении Германии на Советский Союз. С этого дня жизнь города резко изменилась. Закрылись магазины, а те, которые были открыты, стояли с пустыми полками. В сентябре 1941 года город был полностью окружен. Началась жизнь блокадного города, полная тяжелых испытаний голодом, холодом для его жителей.

У нас была большая семья: родители и три сестрѐнки. Мы жили в комнате 16 кв. м в большой коммунальной квартире на пр. Маклина (ныне Английский пр.). Отец имел «белый билет» из-за порока сердца, в армию его не взяли. Он работал столяром.

Хлеба, который мы получали по карточкам, нам не хватало. На окна мы наклеили, как было приказано, полоски газетной бумаги. По ночам город бомбили, дом трясло. Было страшно. Но наш дом уцелел.

В конце февраля 1942 года мы были эвакуированы по «Дороге жизни», затем на товарном поезде нас повезли на Урал, но мама узнала, что поезд пройдет через станцию Галич Костромской области и сделает там остановку. Она договорилась с руководством, что мы сойдем с поезда на станции Галич. Мама объяснила, что в 75 км от Галича живет в деревне её мама - моя бабушка. Мы добирались туда от Галича еще двое суток.

Отец хотел приехать к нам позже, весной 1943 года. По дороге он заразился тифом и умер в больнице. Мама стала работать в леспромхозе на лесоповале.

Сначала было очень голодно. Весной около леса мы посадили картошку, лук и брюкву. Летом выручали грибы и ягоды. Так мы выжили.

В школу я ходил уже в восьмой класс. Летом 1944 года меня призвали на военные сборы, где мы 16 - 17- летние подростки жили в казарме. Нас учили стрелять, наблюдать за противником, разведывать и оценивать его военные силы. Но война закончилась без моего в ней участия.

Dr. Natalja Viktorovna Jahn

geb. 1934, Ärztin, in Deutschland seit 1972

Ich kann mich noch sehr gut an den ersten Tag des Krieges erinnern. Es war ein sonniger, warmer Tag. Gemeinsam mit meiner Mutter und meiner Schwester fuhren wir in den Kultur- und Erholungspark. Aus den Lautsprechern ertönten lustige Lieder, und am Eingang links war ein Backstand, an dem Krapfen gebacken wurden. Sie schwammen im Fett herum, und nach der Hälfte der Zeit wurden sie umgedreht, so dass die gebackene rotbraune Seite nach oben zeigte. Meine Schwester und ich standen, die Gesichter ans Glas gedrückt, und warteten darauf, dass wir an die Reihe kamen und unsere Mutter uns diese Leckerei kaufte. Wir konnten unsere Augen nicht von den Krapfen lassen, die zum Schluss noch mit Puderzucker bestreut wurden. Plötzlich hörte die Musik auf zu spielen und aus dem Lautsprecher ertönte eine Stimme. Alle Erwachsenen liefen zum Lautsprecher und ihre Gesichter wurden ernst und sorgenvoll. Ich war der Überzeugung, dass die ganze am Lautsprecher stehende Menschenmenge schwarz gekleidet war. Diese schwarze Menge blieb mir in Erinnerung. Und erst viele Jahre danach, im Gespräch mit meiner Mutter, verstand ich, dass dies meine Art war, das Befinden der Erwachsenen widerzuspiegeln. Von diesen Krapfen träumte ich die ganzen Kriegs- und die ersten Nachkriegsjahre.

Der Krieg kam dann sehr schnell über uns. Schon ab September brachte das Radio keine Nachrichten mehr, nur noch das Ticken des Metronoms war zu hören. Flieger-

alarm gab es den ganzen Tag, vom morgens bis abends. In den Luftschutzkeller gingen wir nicht. Meine Mutter hatte Angst, dass wir verschüttet würden und dort ersticken.

Wir wohnten in einer großen kommunalen Wohnung auf der ersten Etage. Zum Winter hin blieben nur noch wir übrig. Die einen wurden evakuiert, die anderen starben einer nach dem anderen. Die Fenster unserer Wohnung zeigten auf den Hof. Vor dem Fenster lag während des gesamten Winters bis zum Frühjahr eine Leiche. Die wenigen, die im Haus verblieben, hatten nicht die Kraft, sie zu beseitigen.

Mein Vater und meine Mutter stellten vor alle Türen der Zimmer, die zur Straße führten, alle schweren Sachen, die sie finden konnten. Wenn sie nachts Schritte in diesen Zimmern hörte, weckte meine Mutter mich und meine Schwester auf und wir sollten dann mit den Füßen stampfen, damit die Leute hören, dass jemand in der Wohnung ist, und nicht weiter vordringen.

Es gab kein Wasser, kein Licht und keine Heizung. Wenn man am Tage auf die Straße ging, um Wasser zu holen oder Schnee zu sammeln, war es schon zur Gewohnheit geworden, Schlitten mit Leichen zu sehen, die in weiße Laken gehüllt waren und langsam von abgemagerten, halb toten Menschen irgendwohin gezogen wurden.

Der Winter 1941/1942 war ein sehr kalter Winter. Es lag viel Schnee. Überall gab es Schneewehen. Meine Mutter gab mir und meiner Schwester einen Kochtopf, damit wir Schnee holten. Das erste Mal füllten wir ihn mit frischem Pulverschnee und zeigten ihn stolz unserer Mutter. Zu unserer Verwunderung und zu unserem Betrübnis blieb von dem aufgetauten Schnee nur ein kleiner Wasserrest auf dem Boden übrig. Danach lernten wir, den Schnee in den Topf zu stampfen und so mehr Wasser zu bekommen.

Im ersten Winter 1941/1942 habe ich mich nur von Brotstückchen, Krackerkrümeln und warmen Wasser ernährt. Mein Papa war während des gesamten Krieges Kommandeur einer schwimmenden U-Bootbasis, die Seeleute bekamen große Roggenkräcker. In den Säcken blieben Krümel übrig. Diese Krümel halfen uns, den ersten Blockadewinter zu überleben. Auf der Untertasse wurden sie mit heißem Wasser übergossen und meine Schwester und ich aßen sie mit einem kleinen Löffel sehr langsam, damit sie lange reichten. Das war so lecker!!

Im Winter 1944 wurde ich 10 Jahre alt. Ich fühlte mich schon groß und kraftvoll, besonders im Vergleich zu 1941 oder 1942. Ich überredete die älteren Mädchen, mich während des Fliegeralarms mit auf den Dachboden zu nehmen, um Brandbomben zu löschen. Auf dem Dachboden war alles ungewöhnlich, ein bisschen Angst einflößend und gleichzeitig beflügelnd, dass ich „wie alle“ sein konnte. Der Himmel war voller Scheinwerferstrahlen, manchmal erhaschten sie ein Flugzeug.

Aber die Aktion dauerte nur kurz. Als ich gerade zusammen mit den Mädchen mit großen Greifzangen irgendetwas Zischendes und Heißes in ein Gefäß mit Sand beförderte, erschien meine wütende Mutter und zog mich nach Hause. Das war mein erster und zugleich letzter Versuch so zu sein „wie eine Große“. Ich erinnere ich mich, dass alle Erwachsenen am Tag des Sieges tatsächlich voller Freude und vergnügt waren und den ganzen Tag strahlten.

Наталья Викторовна Ян

1934 г.р., врач, в Германии с 1972 года

Первый день войны мне запомнился очень хорошо. Был солнечный, тёплый день, и мы с мамой и сестрой поехали на Кировские Острова в Парк Культуры и Отдыха. Из репродуктора играла весёлая музыка, при входе слева стояла будка, где пеклись пончики. Они плыли по кругу в масле и на середине переворачивались и дальше плыли сверху своей поджаристой, румяной стороной. Мы с сестрой стояли, прижавшись к стеклу, дожидались, когда подойдёт наша очередь и мама купит нам эту вкуснятину. Мы не отрываясь смотрели на пончики, которые под конец посыпали сахарной пудрой.

Вдруг музыка перестала играть и репродуктор заговорил. Все взрослые отошли к нему и лица у всех стали серьёзными и озабоченными. Я была уверена, что у репродуктора стояла толпа людей в чёрном. Мне запомнилась чёрная толпа. И только спустя много лет, разговаривая с мамой, я поняла, что это было моё восприятие настроения взрослых.

Эти пончики мне снились все военные и первые послевоенные годы. Война наступила как-то очень быстро. Уже с сентября радио почти не говорило, только тикал метроном. Воздушные тревоги были почти все дни напролёт, с утра до вечера. В бомбоубежище мы не ходили. Мама боялась, что там нас может засыпать, и мы там задохнёмся. Мы жили в большой коммунальной

квартире на первом этаже. Но к зиме остались мы одни. Кто был эвакуирован, кто постепенно умирал один за другим. Окна нашей комнаты выходили во двор. Под окном всю зиму до весны пролежал мёртвый человек. У немногих оставшихся в доме не было сил его убрать.

Папа с мамой ко всем дверям комнат, выходящих на улицу, подставили всё тяжёлое, что смогли. Ночью, заслышав шаги в этих комнатах, мама будила меня с сестрой. Мы должны были топтать ногами, чтобы люди слышали, что в квартире кто-то есть и не проникали дальше.

Не было ни воды, ни света, ни отопления. Когда днём выходил на улицу за водой или собирать снег, было привычно видеть санки с трупами, завёрнутыми в белые простынки, которых куда - то медленно везли отощавшие, полуживые люди.

Зима 1941/1942 была очень холодная. Снега было много. Везде лежали сугробы. Мама мне с сестрой давала кастрюлю, и мы должны были туда собирать снег. Первый раз мы с сестрой быстро набросали полную кастрюльку свежего, пушистого снега и с гордостью дома показали маме. Но к нашему удивлению и огорчению растаявшей воды было чуть - чуть на донышке. Потом мы научились снег в кастрюле утрамбовывать и воды получалось больше.

В первую зиму 1941/1942 года кроме маленьких кусочков хлеба, крошек от сухарей и кипятка я ничего не ела. Мой папа был всю войну командир плавучей базы. Моряки получали большие ржаные сухари. В мешках от них оставались крошки. Эти крошки помогли нам пережить первую зиму блокады. На блюдечке крошки заливали кипятком, и мы с сестрой ели их маленькой ложечкой очень медленно, чтобы подольше хватило. Это было так вкусно !!!

Зимой 1944 года мне было уже 10 лет. Я считала себя большой и сильной, особенно по сравнению с 1941 или 1942 годом. Я уговорила девочек постарше взять меня с собой во время воздушной тревоги на чердак, чтобы гасить зажигательные бомбы. На чердаке было всё необычно, немного тревожно и в то же время радостно, что я "как все". Небо было всё в прожекторах, иногда на мгновение они скрещивались на самолётах. Когда я с девочкой большими щипцами тащила что-то шипящее и горящее в большой бак с песком, появилась моя разгневанная мама и увела меня домой. Моя первая и последняя попытка сделать " как большая."

День Победы мне запомнился, что все взрослые были по-настоящему радостные, весёлые и смеялись весь день.

Emma Nathanowna Gorina

geb. 1935, Soziologin, in Deutschland seit 1990

Ich war in der Blockade bis März 1942, danach wurde ich an den Ural evakuiert. Zurück kam ich erst im Jahre 1946. Meine Freunde sind Deutsche und ehemalige Landsleute. Mit ihnen fühle ich mich recht wohl hier. Bei den Treffen der Blockadniki im Club Dialog, an denen auch Schüler teilnehmen, war ich vor allem von ihrem Interesse an der Geschichte der Blockade positiv überrascht.

Эмма Натановна Горина

1935 г.р., социолог, в Германии с 1990 года

Я находилась в блокаде до марта 1942 года, потом нас эвакуировали на Урал. Вернулась в 1946 году. У меня есть друзья-немцы, и бывшие соотечественники. С ними я чувствую себя здесь достаточно комфортно. На встрече блокадников в Клубе Диалог, где присутствовали и школьники, меня приятно поразил их интерес к истории блокады.

Lajn Nathanowitch Gorin

geb. 1938, Schiffbautechnologe, in Deutschland seit 1991

Ich wurde in Leningrad in der „Ausländerkolonie“ geboren, wo Emigranten und ausländische Spezialisten lebten. Mein Vater war ein Amerikaner, der in den dreißiger Jahren in die UdSSR gekommen war, um den Kommunismus aufzubauen, und meine Mutter – eine von uns. Mein Vater ist bei der Verteidigung von Leningrad umgekommen. Wir wurden 1942 in den Ural evakuiert, danach nach Samarkand. Zurück kam ich im Jahr 1945. In Deutschland arbeitete ich als Trainer deutscher körperlich Behinderter, die im Rollstuhl Hockey spielten – wofür ich 1993 vom Bürgermeister Marzahns mit einer Ehrenmedaille ausgezeichnet wurde.

Лайн Натанович Горин

1938 г.р., технолог по деревянной обработке судов, в Германии с 1991 года

1938 г.р., технолог по деревянной обработке судов, в Германии с 1991 года
Я родился в Ленинграде в иностранной колонии, где проживали эмигранты и иностранные специалисты. Папа был американцем, приехавшим в 30-е годы в СССР строить коммунизм. А мама – наша. Отец погиб при обороне Ленинграда. Был эвакуирован в 1942 году сначала на Урал, потом в Самарканд. Вернулся в 1945 году.

В Германии работал тренером с немцами-инвалидами, играющими в инвалидных колясках в хоккей, за что бургомистром Марцана в 1993 году был награждён памятной медалью.

Berta Scholomowna Gorokhova

geb. 1932, Philologin, in Deutschland seit 1998

In der Blockade war ich bis Sommer 1942, danach wurde ich in das Dorf Schitowo in dem Kirower Verwaltungsgebiet evakuiert; dort waren die Zustände aber so schlecht, dass ich mich entschloss zu fliehen. Dann kam mein Vater, um mich zu holen, und wir gingen unter dem Bombardement am Ende des Jahres 1943 durch irgendein durchgebrochenes Stück zurück nach Leningrad.

Берта Шоломовна Горохова

1932 г.р., филолог, в Германии с 1998 года

В блокаде была до лета 1942 года, потом была эвакуирована в село Шитово Кировской области; там были очень плохие условия, и я решила бежать. Потом за мной приехал папа и мы под бомбёжкой в конце 1943 года, через какой-то прорванный участок вернулись в Ленинград.

Lev Davidovitch Knoring

geb. 1934, Geologe, in Deutschland seit 1992

Ich wurde am 4. April 1942 als Schüler des regionalen Leningrader Kinderheims Nr. 5 evakuiert. So verließ ich das Land namens „Kindheit.“ Meine Eltern waren nicht bei mir und ich fuhr in eine unbekannte Welt. Diese Reise rettete mir das Leben. Ich war im letzten Stadium von Skorbut. An einer der Haltestellen erhielt ich einen echten Schatz: Kartoffelpüree mit gehackten Zwiebeln und zum Schluss trank ich einen Löffel Kagor [süßer Kirchenwein].

Лев Давыдович Кноринг

1934 г.р., геолог, в Германии с 1992 года

Эвакуировали меня 4 апреля 1942 года в составе воспитанников Ленинградского областного детского дома № 5. Я уезжал из страны под названием «детство». Со мной не было родителей, и я въезжал в незнакомый мне мир. Этот отъезд спас мне жизнь. У меня была последняя стадия цинги. На одной из станций мне дали целое богатство: картофельное пюре с перемолотым луком, а по окончании выпить ложку кагора. Этот праздник продолжался ещё несколько дней – зубы и дёсны у меня со временем снова восстановились.

Assya Abramovna Kuperman

geb. 1936, Ingenieurin, in Deutschland seit 1996

Meine Familie – meine Mutter, mein Vater, meine ältere Schwester, ich (damals 5 Jahre alt) und das Kindermädchen – lebte vor dem Krieg auf dem Newski-Prospekt in einer großen Vierzimmerwohnung. Im September 1941 wurden die städtischen Badayew Lager mit den Lebensmitteln zerbombt. Die Stadt blieb ohne Lebensmittel. Im Oktober 1941 fing der Beschuss der Stadt an. Es wurde auf Trams, auf Menschenansammlungen geschossen. Im Dezember des Jahres 1941 fing der Hunger an. Man aß alles Lebendige – Katzen, Hunde, Vögel. Wir aßen alles auf – Küchenkleber, Holzleim, Ledergürtel.

Mein Vater ging zum Okhta Fluss zur Arbeit. Eines Tages Ende Januar 1942 kam er nicht von der Arbeit zurück. Er starb am 29.01.1942 vor Hunger. Meine ältere Schwester überlebte nur mit Glück. Sie hatte Dystrophie des zweiten Grades und lag bei vollem Bewusstsein, konnte aber nichts trinken, nichts essen und hatte keine Kraft sich auszuziehen, überall gab es Kleiderläuse. Ich habe nur überlebt, weil ich in den Kindergarten gegangen bin, wo man ein bisschen Essen bekam.

Als Nächstes starb das Kindermädchen. Sie hatte Mehl mit Erde nach Hause gebracht, welches sie auf der Straße aufgesammelt hatte, und daraus Blini gebacken, an denen sie sich satt gegessen hatte. Sie starb an Starrkrampf. Zu der Zeit war unsere Mutter nach Hause gekommen und hatte ihr verboten, uns mit den Fladen zu füttern, womit sie mir und meiner Schwester das Leben gerettet hatte.

Ася Абрамовна Куперман

1936 г.р., инженер, в Германии с 1996 года

Перед войной моя семья: мать, отец, моя старшая сестра, я (мне было 5 лет) и няня, жила в большой четырёхкомнатной квартире. В конце сентября 1941 г. разбомбили городские Бадаевские склады с продовольствием. Город остался без продовольствия. В октябре 1941-го начались обстрелы города. Стреляли по трамваям, по скоплениям людей. К декабрю 1941-го в городе начался голод. Съедали всё живое – кошек, собак, птиц. Мы съели всё – столярный клей, казеиновый клей, кожаные ремни. Отец умер 29.01.1942 г. от голода. Старшая сестра чудом выжила. У неё была дистрофия второй степени, она лежала в полном сознании, но не могла ни пить, ни есть, не было сил раздеться, повсюду были платяные вши.

Я выжила только потому, что ходила в детский сад, где давали немного еды. Следующей умерла няня, она принесла домой муку с землёй, которую собрала на улице, испекла блины из неё, наелась и умерла от столбняка. В это время пришла мать и запретила кормить нас лепёшками, чем спасла нам с сестрой жизнь.

Alexander Aronowitch Kvardin

geb. 1932, Feuerwehrmann

Bis Februar 1942 wohnten wir auf dem Großen Prospekt auf der Petrograder Seite. Eines Tages während eines weiteren Bombardements wurde die Hälfte unseres Hauses zerstört. Während der Bombardierung befand ich mich oft mit anderen Jungs auf dem Dachboden unseres Hauses, wo wir die Brandbomben in den Kisten mit Sand löschten. Wie man damals sagte: «Feuerzeuge» ausmachten. Im Februar 1942 wurde ich über das Eis des Ladoga Sees auf das Festland gebracht.

Александр Аронович Квардин

1932 г.р., полковник пожарной службы

До февраля 1942 г. мы жили на Большом Проспекте Петроградской стороны. Однажды, во время очередной бомбёжки оторвало половину дома. Во время бомбардировок я с другими мальчишками часто находился на чердаке нашего дома, где мы тушили зажигательные бомбы в ящиках с песком. Как говорили тогда тушили: "Зажигалки". В феврале 1942 г. по льду Ладожского озера был переправлен на "Большую землю".

Lija Moissejewna Lerner

geb. 1935, Bauingenieurin, in Deutschland seit 1998

Mit uns lebte unser Kindermädchen, die verhungerte. Mein Vater arbeitete in der Gelatinefabrik, die Filmrollen herstellte. Dort kochte man diesen Kleber zusammen mit klein gehackten Spänen und erhielt so ein Stückchen Brot, das „Duranda“ [Presskuchen] hieß, welches man in Wasser einweichte und aß. Am Ende des Winters 1942 wurden wir in das Dorf Petelino im Omsker Verwaltungsgebiet evakuiert. Zurück kamen wir am Tag des Blockadeendes – es gab ein unglaubliches Feuerwerk!

Лия Моисеевна Лернер

1935 г.р., инженер-строитель, в Германии с 1998 года

С нами жила наша нянюшка, которая умерла от голода. Папа работал на желатиновом заводе, изготовляющем киноплёнку, там они этот клей вместе с мелкоперемолотыми опилками варили и получался такой камушек хлеба, называемый ДУРАНДА, который размачивали и ели. В конце зимы 1942 года нас эвакуировали в деревню Петелино Омской области. Вернулись в день снятия блокады – был невероятный салют!

Genrietta Lvovna Liakhovitskaia

geb. 1938, Maschinenbauingenieurin, in Deutschland seit 1996

Ich wurde 1938 in Leningrad geboren. Meine erste Erinnerung war, wie es sich später herausstellte, mit dem ersten Tag des Vaterländischen Krieges verbunden. Danach kamen Bruchstücke, mit großen Lücken, bis alles zu einer Masse aus aufeinanderfolgenden Ereignissen zusammenfloss, die mir bis heute im Gedächtnis geblieben sind.

Nach der Evakuierung lebten wir – meine Mutter, mein Bruder und ich – am Ural und hungerten sehr. Ich spüre die Dystrophie bis jetzt und kann auch das Gefühl des ständigen, unstillbaren Hungers nicht vergessen. Eines Tages, als ich um ein Stückchen Brot bettelte, schaute mich meine Mutter etwas unheimlich an und fragte mich mit vollem Ernst: „Wenn du willst, hacke ich mir den Finger für dich ab.“ Ich rannte auf die Straße. Dort fiel der Schnee. Nein, man muss das irgendwie anders beschreiben. Ich war so winzig und leicht, dass nicht die Schneeflöckchen auf mein zum Himmel erhobenes Gesicht fielen, sondern große, weiche Schneeflocken langsam verdampften und allmählich meine Augen, Nase und Mund verklebend. Ich begann sie zu essen. Ich erinnere mich an ihren schalen Geschmack. Viel schmackhafter waren da die rohen Kartoffeln mit Pelle. Der Sohn unserer Hausbesitzerin stahl manchmal aus ihrem eigenen Garten ein paar Kartoffeln. Wir wischten sie ab und aßen sie sofort wie Äpfel. Die Erde knirschte unter den Zähnen.

Meine Mutter bekam eine Stelle als Kassiererin. Die Frau, die ihr ihren Platz gab,

zeigte ihr wie viel und welche Essensmarken aus den Karten der Besucher, die das Essen bekamen, geschnitten werden sollten: so und so viel Gramm Grieß, so und so viel Fett und noch etwas anderes. Zum Schluss fügte sie hinzu: „So schneiden wir für uns selbst in einem Tag ein Mittagessen zusammen.“ Meine manchmal krampfhaft rechtschaffene Mutter empörte sich und ging weg. Wir aber hungerten zu der Zeit sehr. War es besser absolut ehrlich zu bleiben oder ab und zu ein paar extra Gramm von den Essensmarken abzuschneiden, um die sterbenden

Генриетта Львовна Ляховицкая

1938 г.р., инженер-машиностроитель, в Германии с 1996 года

Родилась я в Ленинграде в 1938 году. Первое воспоминание, как выяснилось, было связано с первым днём Великой Отечественной войны. Затем – отрывочные, с большими пропусками, пока не слилось всё в сплошную череду событий, не истаявших в памяти до сих пор.

В эвакуации на Урале мама, мой брат и я жестоко голодали. Та дистрофия даёт о себе знать до сих пор, и чувство постоянного неутолимого голода я так и не смогла забыть. Однажды, когда я клячила хотя бы корочку хлеба, мама страшно посмотрела на меня и вполне серьёзно спросила: «Хочешь, я отрублю для тебя свой палец?» Я убежала на улицу. Там шел снег. Нет, это надо бы назвать как-то иначе. Я была такая крошечная и невесомая, что не снежинки падали на моё поднятое к небу лицо, а большие махровые «снежины» медленно парили, постепенно залепляя мне глаза, нос, рот. Я стала их есть. Помню их пресноту. Гораздо вкуснее была сырая картошка с кожурой. Сын нашей хозяйки воровал иногда с их собственного огорода пару картофелин. Мы обтирали их и сразу ели, как яблоки. На зубах хрустела земля.

Зная, что мама моя бедствует на карточках служащей с двумя детьми, ей предложили место кассира в столовой. Женщина, сдававшая ей своё место, стала показывать, сколько каких талонов надо вырезать из карточек посетителя, получающего обед: крупы столько-то граммов, жиров столько-то, ещё чего-то столько-то. Под конец она добавила: «Вот так мы за день на обед себе и настригаем». «То есть как это, настригаете?!» – возмутилась моя безупречно честная мама. И ушла. А мы тогда страшно голодали. Я до сих пор не могу решить для себя, правильно ли поступила мама. Лучше ли остаться абсолютно честной или, отрезая иногда талоны на пару лишних граммов, накормить умирающих от голода детей?

Galina Borisowna Mazkina

geb. 1927, Ingenieurin, in Deutschland seit 1996

Als die Blockade anfang, war ich fast 14 Jahre alt. Meine Mutter hatte nur für eine kurze Zeit Arbeit und so mussten wir schon bald unsere Sachen verkaufen. Zuerst verkauften wir unser Klavier für zwei Kilo Weizen, dann verkaufte meine Mutter ihren neuen Pelzmantel für 1 kg Mehl.

Eines Tages brachte uns eine Frau einen Zettel, den ihr ein Bekannter unseres Vaters, der verwundet in einem Leningrader Hospital lag, gegeben hatte. Auf seine Bitte hin, gingen wir ihn besuchen. Er erzählte uns dann, dass mein Vater im Kampf schwer verletzt wurde und wahrscheinlich auf dem Feld gefallen sei. Er sah auch, wie ausgehungert wir waren und schlug daher vor, dass er für uns Brotstückchen von den Verwundeten, die keine Zähne mehr hatten oder zu krank waren, um zu essen, sammeln würde. So holte ich dann jeden Samstag die Brotkrusten ab. Die Menschen waren nicht böse während der Blockade, sondern man dachte auch an andere. Wer waren wir für ihn? Einfach nur die Familie von seinem Freund, der er beschlossen hatte zu helfen. Dank solcher Hilfe, haben wir überlebt.

Eines Winters kam der Hauswart zu uns und bat mich und meine Freundin Schura, ihm beim Aufräumen der Fäkalien, die sich von dem Haus über den Winter angesammelt hatten, zu helfen. Er meinte, dass im Frühling alles schmelzen und ver-

laufen würde, was zum Ausbruch von Krankheiten und Epidemien führen könnte. So bracht er die gefrorenen Stückchen aus dem Haufen und wir schmissen diese dann auf den Schlitten, den wir in den Fluss Neva entleerten. Eines Tages kamen wir von dieser Arbeit nach Hause und Schura sagte ganz ruhig zu mir, dass sie glaube, ihre Mutter wäre gestorben. Sie weinte nicht, sondern legte einfach eine Serviette auf das Gesicht ihrer Mutter...

Галина Борисовна Мацкина

1927 г.р., инженер, в Германии с 1996 г.

Когда началась блокада, мне было 14 лет. Моя мама недолго работала, и нам уже скоро пришлось продавать вещи: сначала мы обменяли наше фортепиано на 2 килограмма муки, позже мама продала свою новую шубу уже за один килограмм.

Однажды одна женщина принесла записку от знакомого нашего отца, который раненый лежал в одном из госпиталей Ленинграда. По его просьбе мы его посетили. Он рассказал нам, что наш отец был тяжело ранен в одном из боев и, вероятно, остался лежать на поле боя. Он увидел, как истощены мы были и предложил собрать для нас остатки хлеба у раненых, у которых уже не было зубов для того, чтобы жевать, или которые были слишком слабы для того, чтобы есть. Так я каждую субботу забирала у него мешочек с корками хлеба. Во время блокады люди не были злыми, а думали о других. Кто мы такие были для него? Просто семья его друга, которой он решил помогать, благодаря этой помощи мы выжили.

Однажды к нам пришел управдом и попросил нас с подружкой Шурой помочь ему убрать фекалии, которые собрались перед домом за зиму. Он сказал, что, когда весной все это начнёт таять, начнутся эпидемии. Он откалывал застывшие куски, а мы грузили их на санки, которые потом разгружали прямо в Неву. Однажды мы пришли с этой работы домой, и Шура как-то очень спокойно сказала мне, что она думает, что ее мама умерла. Она совсем не плакала, а просто положила салфетку на лицо матери...

Djemma Liwowna Moroz

geb. 1935, Ingenieurin der Automatisierungstechnik, in Deutschland seit 1993

Ich war 6 Jahre alt als der Krieg begann. Ich befand mich mit meiner Mutter auf der Datscha in der Stadt Peterhof. Beim Anmarsch der faschistischen Besatzer im September 1941 ließen meine Mutter und ich alles liegen und fuhren sofort nach Leningrad.

Der erste Versuch meiner Mutter mich mit dem Kindertransport zu evakuieren, hätte sehr schlecht enden können. Ich erinnere mich an den Moment, als ich da stand, und meine Mutter mich mit allem anzog, das mit meinem Namen beschriftet waren, und dann plötzlich alles hinschmiss, mich fest umarmte und dann sagte: „Ich werde dich nirgendwohin schicken“. Dieser Transport kam dann, wie später bekannt wurde, unter starkes Bombardement und viele Kinder kamen auf tragische Weise ums Leben.

Unser Haus in Leningrad wurde im Winter zerstört. Ich erinnere mich, wie wir zu unserem Haus gingen und ich schon von Weitem mein geliebtes Piano sah, welches sich wundersam an der zerstörten Wand hielt. Das hat mich sehr erschüttert und ich konnte mich lange nicht beruhigen.

Meine Mutter arbeitete im Krankenhaus und ich hielt mich dort mit ihr auf. Ich habe mich selbst in Erinnerung, wie ich mit einer großen Schleife auf dem Kopf auf einem Stuhl stehe, inmitten von verletzten Kämpfern und um mich herum Verbände, Verbände, Blut, Blut, Krücken, gequälte aber lächelnde Gesichter. Es war

sehr hart für mich das zu sehen.

Erst im Jahre 1943 schaffte es meine Mutter mich in die Stadt Tschkalow [heute: Orenburg] in den Ural zu schicken, wo meine Großmutter und andere Verwandte lebten. Ich war eng mit meiner Cousine befreundet, die 4 Jahre älter als ich war. Eines Tages riefen uns die Erwachsenen ins Zimmer, wo sie saßen, und erzählten meiner Cousine sehr vorsichtig, dass ihre beiden Eltern, die Militärärzte waren, zu unterschiedlichen Zeiten an der Front umgekommen sind. Ich selbst hatte meine Eltern schon lange nicht gesehen, vermisste sie sehr und hatte Angst um sie; alles Vorgefallene hatte mich daher auch sehr erschüttert.

Джемма Львовна Мороз

1935 г. р., инженер по АСУП, в Германии с 1993 года

Когда началась Великая Отечественная Война мне было 6 лет, и я с мамой находилась на даче в г. Петергоф. При наступлении фашистских оккупантов в сентябре 1941 года мы с мамой бросили всё и срочно уехали в Ленинград.

Первая попытка моей мамы эвакуировать меня с детским эшелонem могла окончиться очень плохо. Я помню этот момент, когда я стою и мама одевает на меня все вещи, помеченные моим именем, и вдруг резко бросает всё, крепко обнимает меня и говорит: «Никуда я тебя не отправлю...». Этот эшелон, как потом стало известно, попал под сильную бомбёжку, и многие дети трагически погибли. Наш дом в Ленинграде зимой был разрушен. Я помню, как мы подходили к нашему дому и уже издали я увидела своё любимое пианино, которое чудом держалось на разрушенной стене. Это ошеломило меня, и я долго не могла успокоиться.

Мама работала в госпитале, и я там была при ней. Часто меня просили выступить перед ранеными с детскими стихами. Я помню себя с большим бантом на голове, стоящей на стуле в окружении раненых бойцов, и кругом бинты, бинты, кровь, кровь, костыли, измученные но улыбающиеся лица. Мне было очень тяжело это видеть.

Только в 1943 году маме удалось отправить меня в город Чкалов на Урале, где жила моя бабушка и другие родственники. Там я пошла в школу. Я очень дружила с двоюродной сестрой, которая была старше меня на 4 года. Однажды взрослые позвали нас в комнату, где они сидели, и очень осторожно сказали сестре, что её родители—оба военные врачи, в разное время погибли на фронте, о чём долгое время ей не говорили. Мы с ней убежали, плакали, долго скрывались от взрослых. Я сама очень давно не видела своих родителей, скучала по ним, боялась за них и всё происшедшее было также большим потрясением и для меня.

Zagiria Chairetdinovna Nevretdinova

geb. 1929, Textiltechnologin, in Deutschland seit 1996

Ich war in Leningrad vom Anfang bis zum Ende des Krieges. Eines Tages schickte meine Mutter mich zum Lebensmittelladen. Zu diesem Zeitpunkt ertönte im städtischen Radio das Signal des Luftalarms. Das Bombardement unseres Industriegebietes begann. Die Toten und Verwunden wurden dann vor meinen Augen eingesammelt und ins Krankenhaus gefahren. Ich hatte Glück. Ich war sehr erschrocken, hatte aber überlebt.

Ein anderes Mal wurden wir vom Luftalarm zu Hause überrascht. Die Nachbarn rannten aus dem fünften Stock nach unten und versteckten sich im Keller. Zur selben Zeit explodierte im Nebenhause eine Bombe, genau dann, als wir (ungefähr 10 bis 15 Menschen) am zweiten Stockwerk vorbei rannten. Die Luftwelle sprengte die Fensterrahmen heraus, ich wurde von den Beinen gerissen, schnappte nach Luft, verlor mein Bewusstsein und erinnere mich an nichts mehr.

An einem Frühlingstag wurden wir versammelt, in einen Lastwagen geladen und in Richtung Petrokrepost [Schlüsselburg] gefahren. Dort wurde ein Lager für Evakuierte organisiert. Alle Sachen, die wir hatten, Decken, Kissen und alles andere, wurden uns abgenommen und auf einen Kahn am Kai geladen. Dann fing das Bombardement an und der Kahn begann langsam vor unseren Augen zu sinken. Ein anderer Kahn wurde vom gleichen Schicksal getroffen. Wir haben es damals nicht geschafft abzufahren und kehrten zurück nach Leningrad.

Загиря Хайретдиновна Невретдинова

1929 г.р., техник-технолог по швейному производству, в Германии с 1996 года

От начала до конца войны я была в Ленинграде. Однажды мама послала меня в магазин. В это время по городской трансляции раздался сигнал боевой тревоги. Началась бомбёжка, как раз нашего промышленного района. Убитых и раненых на моих глазах стали подбирать и увозить в больницу. Мне повезло. Я очень испугалась, но осталась жива. В другой раз сигнал тревоги застал нас дома. Жильцы – соседи "побежали" с пятого этажа вниз, прятаться в подвале. В это время в соседнем доме разорвалась бомба как раз тогда, когда мы человек 10-15 пробежали площадку второго этажа. Воздушной волной выбило оконные рамы, меня сбilo с ног, я захлебнулась воздухом, потеряла сознание и больше ничего не помню.

Однажды весной нас собрали, погрузили на грузовик и повезли в сторону Петрокрепости. Там был организован лагерь для эвакуирующихся. Все вещи, которые были у нас, одеяла, подушки и прочее отобрали погрузили на стоящую у причала баржу. В это время началась бомбёжка и баржа медленно, на наших глазах, начала тонуть. Другую баржу постигла та же участь. В тот раз выехать не удалось, и мы вернулись в Ленинград.

Dorothea Abramovna Palej

geb. 1936, Eisenbahningenieurin, in Deutschland seit 1998

Ich durchlebte die Leningrader Blockade vom Anfang bis zum Ende. Obwohl man so etwas nicht einmal seinem Feind wünscht, empfinde ich meine Kriegskindheit nicht als „verloren“. Am Anfang der Blockade war ich 5 Jahre alt. Ich lebte mit meiner Mutter, die mir beibrachte, nicht mich, sondern andere, denen es zu dem Zeitpunkt noch schlechter ging, zu bemitleiden. Sie sagte: „Du hast Glück, da du mit deiner Mutter lebst – andere Kinder haben weder Mutter noch Vater“. Sie brachte mir auch das Wort „müssen“ bei, welches mir half das zu tun, was unmöglich schien. Nach den nächtlichen Bombardements, nach den Kämpfen mit den Raten, die geschwächte Menschen suchten, um deren Zehen abzunagen, war es hart aufzustehen. Es war hart, in der Kälte für eine Brotration anzustehen

und es in einem Stück nach Hause zutragen. Es war hart, das vereiste Flussufer mit einer Wasserschüssel hochzusteigen und wieder in der Schlange am Eisloch anzustehen, wenn man ausrutschte und das Wasser über sich goss. Damals fühle ich mich nicht unglücklich, weil alle so lebten, die ich kannte, und es schien mir das normale Leben.

Aber es gab auch Freude. Manchmal brachte meine Mutter Küchenklebersplitter mit, aus welchem Kissel [süßsaure Nachspeise] gekocht wurde. An das Gefühl des „Sattseins“ erinnere ich mich bis heute noch. Und nach dem Durchbruch der Blockade gossen Soldaten gegenüber unseres Hauses aus großen Kanistern Sauermilch in unsere Teller, ohne nach den Essensmarken zu fragen. Nachdem wir aufgegessen hatten, stellten wir uns wieder in die Schlange.

Доротея Абрамовна Палей

1936 г.р., инженер-железнодорожник, в Германии с 1998 г.

Блокаду Ленинграда я пережила от начала до конца. Хотя такого и врагу не пожелаешь, я не считаю моё военное детство «потерянным». К началу блокады мне было 5 лет. Я жила с мамой, которая меня учила жалеть не себя, а тех, кому в данный момент ещё хуже. Она говорила: «Ты счастливая, потому что живёшь с мамой, а у других детей совсем нет ни мамы, ни папы...». И ещё она научила меня слову «надо», помогавшему сделать то, что казалось невыполнимым. Было трудно вставать после ночных бомбёжек, после борьбы с крысами, искавшими ослабших людей, чтобы отгрызть у них пальцы ног. Было трудно долго стоять на морозе за «пайкой» хлеба и целиком донести её до дома. Трудно взбираться вверх по обледеневшей набережной реки с кастрюлей воды, а поскользнувшись и вылив воду на себя, снова стоять в очереди к проруби. Тогда я не ощущала себя несчастной, потому что так жили все, кого я знала, и мне это казалось нормой жизни.

Но были и радости. Иногда мама приносила с работы обломки плиточек столярного клея, из которого варила кисель. Ощущение «сытости» помню до сих пор. А после прорыва блокады напротив нашего дома солдаты из больших бидонов наливали простоквашу в наши тарелки, не требуя карточек. Съев, мы снова становились в очередь.

Rudolf Samoilovitsch Rosenberg

geb. 1925, Professor für Anglistik, in Deutschland seit 1970

Ich bin 1925 in Berlin geboren. Aufgrund der jüdischen Herkunft musste ich im Dezember 1935 mit meiner Familie Deutschland verlassen. Wir emigrierten in die UdSSR und ließen uns in Leningrad nieder. Während der Blockade nahm ich an den Abwehrarbeiten teil und hob Gräben aus. Unter den vielen Auszeichnungen als Kriegsteilnehmer von 1941 bis 1945 bedeutet für mich die Medaille „Für die Verteidigung von Leningrad“ am meisten.

Рудольф Самойлович Розенберг

1925 г.р., профессор англистики, в Германии с 1970 года

Я родился 1925 г. в Берлине. Из-за еврейского происхождения моя семья была в декабре 1935 г. вынуждена покинуть Германию. Мы эмигрировали в СССР и поселились в Ленинграде. Во время блокады я принимал участие в оборонительных работах, рыл окопы. Среди многочисленных медалей как участник войны 1941-1945 гг. мне особенно дорога медаль «За оборону Ленинграда».

Elvira Iosifovna Markova

geb. 1925, Historikerin, in Deutschland seit 1991

In der Blockade lebte ich bis zum 25. März 1942. In der Evakuierung war ich in Usbekistan, von wo ich im Sommer 1944 zurückkam. Am Anfang sagten wir, dass wir bereit wären, alles auszuhalten, aber dann... Wenn man mir sagte, dass ich, wieder als junges Mädchen, in eine Blockade geraten und diese überleben würde, würde ich antworten: Tötet mich lieber jetzt!

Эльвира Иосифовна Маркова

1925 г.р., историк, в Германии с 1991 года

В блокаде я жила до 25 марта 1942 года. В эвакуации была в Узбекистане, откуда вернулась летом 1944 года. Вначале мы говорили, что готовы вытерпеть всё, но потом... Если бы мне сказали, что, став молодой, я опять попаду в блокаду, но выживу... Я бы ответила – убейте меня сразу!

Nonna Lasarevna Revzina

geb. 1935, Bibliothekarin, in Deutschland seit 1996

Ich erinnere mich sehr gut an die Blockade, obwohl ich erst 5,5 Jahre alt war. Ich erinnere mich an alle Tage seit dem 22. Juni 1941, welcher ein sehr sonniger Sonntag war. Meine Mutter und ich besuchten unsere Verwandten, bei denen einen Junge geboren worden war. Ich erinnere mich, wie froh ich war, da ich noch nie ein so kleines Baby gesehen hatte. Und plötzlich hörten wir im Radio, dass der Krieg angefangen hatte. Die Erwachsenen waren sehr betrübt und wir eilten nach Hause. Die schwarzen Röhren der Straßenlautsprecher sprachen.

Um die herum standen Menschengruppen, jemand weinte. Am nächsten Tag gingen irgendwelche Leute von Wohnung zu Wohnung und sagten, dass die Kinder für die Evakuierung vorbereitet werden sollten, da der Feind sich in Richtung Leningrad bewegte. Meine Mutter antwortete entschlossen: „Nein, wir bleiben zusammen in der Stadt.“

Es wurde angeordnet, die Fenster mit Decken zu verdunkeln. Am Abend waren die Straßen vollkommen leer und dunkel. Das Bombardement und der Beschluss begannen. Sehr bald zerbrachen alle Fenster. Es wurde kalt. Langsam verschwand das

Licht, das Wasser. Das Essen verschwand, die Kartenrationen wurden beschnitten. Mein Vater wurde krank und bettlägerig. Im Winter magerte auch ich ab, konnte nicht mehr alleine laufen, hatte keine Kraft mehr. Ich wurde bettlägerig und mein Vater und ich lagen den ganzen Winter nebeneinander. Meine arme Mutter trug die ganze Last des ersten Kriegswinters. Mein Vater starb und meine Mutter musste mir das Laufen wie einem Kleinkind wieder beibringen und meine Beine bewegen. Ich erinnere mich, wie sie mich Ende April zum ersten Mal auf die Straße führte. Von der frischen Luft oder von der Sonne, vielleicht auch vom Hunger oder davon, dass ich nur mit Mühe von der fünften Etage runter gegangen war, drehte sich mir der Kopf und ich wurde genau neben dem Hauseingang ohnmächtig. Aus den Erzählungen meiner Mutter weiß ich, dass sie anfangs zu schreien, da sie mich selbst nicht hochheben konnte, und irgendein junger Leutnant mit einem Kleidersack kam und hob mich hoch, dann trug er mich die Treppen hinauf und meine Mutter schleppte sich mit Mühe mit ihm hoch. Zu Hause holte er etwas aus seinem Sack, ließ uns ein halbes Brotlaib da, eine Dose Geschmornenes und goss etwas in meinen Mund, wovon ich wieder zu Bewusstsein kam. Neulich habe ich gelesen, dass Militärs, welche in die Stadt entlassen wurden, eine Ampulle mit Glukose erhielten. Ich werde mich bis an meinen Tod an ihn erinnern, aber ich weiß nicht, wie er hieß und ob er nach dem Krieg am Leben geblieben ist. Aber ich erinnere mich bis heute an ihn und werde es niemals vergessen.

Im Kindergarten lebte ich ein wenig auf. Wir wurden besser ernährt, aber einige Kinder starben dennoch. Die Direktorin namens Polina Sacharowna, die Erzieherin und das wunderbare Kindermädchen Claudia behandelten uns sehr gut. Sie schonten uns sehr, waren zärtlich, lasen, spielten und sangen sogar mit uns. Im Zimmer stand ein Piano und manchmal konnte jemand darauf spielen und mit uns Lieder singen. Ich habe nur die wärmsten und zärtlichsten Erinnerungen an diese Menschen. Zum Neujahr 1943 haben sie uns ein unglaubliches Fest bereitet. Im Haus, wo sich der Kindergarten befand, lebte der Schauspieler des musikalischen Komödientheaters Evgenij Michailow. Er und seine Freunde brachten uns Geschenke in Kostümen vom Väterchen Frost, seiner Enkelin Snjegurotschka und verschiedenen Tieren. Das war natürlich unvergesslich. Eine tiefe Verbeugung vor allen, die sich damals um uns gekümmert und uns geholfen hatten zu überleben. Mögen sie in Erinnerung bleiben!

Нонна Лазаревна Ревзина

1935 г.р., библиотекарь, в Германии с 1996 года

Блокаду помню очень хорошо, хотя мне было всего 5,5 лет. Я запомнила буквально все дни, начиная с 22 июня 1941г. Это было воскресенье, очень солнечное, мы с мамой пошли в гости к родственникам, где родился мальчик. Я помню, как я радовалась, т. к. никогда не видела таких крошечных детей. И вдруг там по радио услышали, что началась война. Взрослые очень расстроились, а мы заторопились домой. Говорили чёрные трубы уличных громкоговорителей. Вокруг них стояли группы людей, а кто-то плакал. Одеждами велено было закрывать окна для светомаскировки. Вечерами улицы были совершенно пустые и тёмные. Начались бомбёжки и обстрелы. Очень скоро вылетели все стёкла из окон. Стало холодно. Постепенно пропадал свет, вода. Жгли малюсенькие коптилки, за водой мама ходила на Фонтанку. Исчезала еда, пайки по карточкам урезались. Папа заболел, слёг. Я за зиму тоже отошала, ходить сама не могла, не было сил. Слегла и всю зиму мы с папой пролежали рядом. Бедной маме досталась вся тяжесть первой военной зимы. Ей ведь ещё приходилось дежурить на крыше, тушить зажигалки. Папа умер, я тоже не ходила, и мама учила меня ходить как маленькую, переставляя мои ноги. Помню, как к концу апреля она впервые вывела меня на улицу. От воздуха, от солнца, от голода, от того, что с усилием спускалась с пятого этажа вниз, у самой парадной у меня закружилась голова и я потеряла сознание. Со слов мамы знаю, что она стала кричать, т. к. сама меня поднять не могла, и какой-то молоденький лейтенант с вещевым мешком подошёл, поднял меня и понёс по лестнице наверх домой, а мама сама еле-еле поднималась с ним. Дома он вытащил кое-что из своего вещмешка, оставил нам полбуханки хлеба, банку тушёнки и влил мне что-то в рот, от чего я пришла в себя. (Совсем недавно я прочла, что военным, которые шли в город в увольнение давали ампулы с глюкозой.) До самой смерти своей буду это помнить, но ни имени его не знаю, остался ли он жить после войны тоже не знаю. Но я помню его до сих пор и никогда не забуду.

В детском саду отношение к нам было исключительно тёплым: и завдетсадиком Полина Захаровна, и воспитатели и совершенно потрясающая няня Клавдия. Нас очень жалели, были ласковы, читали с нами, играли, даже пели. В комнате стоял рояль и иногда кто-то кто умел играл и пел с нами песенки. Самая нежная и самая тёплая память у меня об этих людях. А в Новый год 1943 нам устроили замечательную ёлку. В доме, где находился детсад жил актёр театра Музкомедии Евгений Михайлов. И он и кто-то из его друзей в костюмах

Деда Мороза, Снегурочки и каких-то зверюшек пришли к нам с подарками. Это, конечно не забываемо. Всем низкий поклон, кто заботился тогда о нас и помогал жить!

Mark Borisowitch Tumarkin

geb. 1936, promovierter Ingenieur, in Deutschland seit 1993

Im Winter 1942 wurde ich als ein 5,5 jähriges Kind mit meiner Mutter aus Leningrad auf dem „Weg des Lebens“, welcher über den Ladoga See führte, evakuiert. Die Lufttemperatur war ungefähr minus 30 Grad. Der Laderaum eines LKWs war vollgestopft mit Frauen und kleinen Kindern und in der Kabine saßen der Fahrer des Wagens und ein Begleiter. Inmitten des Sees hielt der Wagen an, aus der Kabine stieg ein Mann in Marineuniform und aus seiner Nase hingen lange Eiszapfen. Nur aufgrund der Marineuniform und der Eiszapfen aus der Nase bemerkte ich, ein Kind, diesen Vorfall. Alles andere hat mir meine Mutter erzählt. Der Offizier sagte, dass das Benzin ausgegangen war, und dass es nicht möglich sei, weiterzufahren. Über uns kreisten und bombten die deutschen Flugzeuge. Die Mütter aus dem Laderaum fingen an sich Sorgen zu machen, wie es weiter gehen soll. Der Marineoffizier sagte, dass er im Tausch für Schokolade und Wodka Benzin besorgen könnte. Anscheinend wusste er, dass jede Mutter für ihr Kind eine Tafel Schokolade für den Weg hatte und vielleicht auch Wodka, um im Falle von Erfrierungen den Körper damit einzureiben. Die Mütter mussten zahlen, das Benzin wurde sofort gefunden und wir konnten weiterfahren.

Томаркин Марк Борисович

1936 г.р., инженер, кандидат технических наук, в Германии с 1993 года

Зимой 1942 года меня 5,5 летнего ребёнка эвакуировали с мамой из Ленинграда по "Дороге жизни", проложенной через Ладожское озеро. Температура воздуха была около - 30 градусов. Кузов полуприцепа был набит женщинами с маленькими детьми, а в кабине сидели водитель машины и сопровождающий. В середине озера машина остановилась и из кабины вышел мужчина в морской форме, из носа которого торчали длинные сосульки. Только по морской форме и сосулкам из носа я, ребёнок, обратил внимание на этот случай. Остальное мне рассказала мама. Морской офицер сказал, что кончился бензин и ехать дальше невозможно. Над нами кружились и бомбили немецкие самолёты. Матери в кузове заволновались - как быть дальше? Морской офицер сказал, что бензин можно достать в обмен на шоколад и водку. По-видимому, он знал, что каждая мать имела в дорогу для ребёнка плитку шоколада, а может быть и водку для растирания тела в случае обморожения. Матерям пришлось раскошелиться, бензин был найден незамедлительно, и мы поехали дальше.

Eduard Moissejewitch Saizew

geb. 1937, Bauingenieur, in Deutschland seit 1996

Als der Krieg anfing, war ich noch nicht einmal vier Jahre alt. Mein Vater ging 1941 als Freiwilliger an die Front. Ich blieb mit meiner Mutter in der Stadt. Das Dröhnen der faschistischen Flugzeuge kannten wir gut. Eines Tages, als wir diese Geräusche hörten, rannten meine Großmutter und ich, ohne die Ansage im Radio über einen erneuerten Angriff abzuwarten, in die Abstellkammer. Als das Bombardement vorbei war, kamen unsere Nachbarn aus der Kommunalwohnung angerannt und schriegen, dass es draußen schneit. Ich ging mit meiner Großmutter auf die Straße und wir sahen, dass irgendetwas Weißes in der Luft schwebte, was wie Schnee aussah. Draußen war es aber noch relativ warm – es waren ungefähr 18-20 Grad. Wie es sich später herausstellte, wurde das Haus gegenüber von einer großen Luftbombe getroffen, welche einige Stockwerke durchschlug, nicht explodierte, sondern sich auf ein Bett mit Federn „legte,“ welches den Schlag des „ungebetenen Gastes“ nicht aushielt und so flogen die Federn auf die Straße. Diese Federn hielten die Leute, die auf die Straße gerannt waren, für Schnee.

Эдуард Моисеевич Зайцев

1937 г.р., инженер-строитель, в Германии с 1996 года

Когда началась война мне не было ещё и четырёх лет. Мой отец в июле 1941 г. ушёл добровольцем на фронт. Я с мамой оставался в городе. Гул фашистских самолётов мы хорошо знали. Однажды, услышав эти звуки, не дожидаясь сообщения по радио об очередном налёте, я с бабушкой побежал прятаться в чулан. Когда бомбёжка закончилась, то прибежали соседи по коммунальной квартире с криками, что на улице идёт снег. Я с бабушкой вышел на улицу и увидел, что в воздухе кружится что то белое, похожее на снег, а на улице ещё относительно тепло температура воздуха была около 18-20 градусов. Как потом выяснилось, в дом напротив попала большая авиабомба, пробила несколько этажей, но не взорвалась, а «улеглась» на кровать с несколькими перинами, которые не выдержали удара «непрошенной гостьи» и пух полетел на улицу. Его люди, выбежавшие на улицу, приняли за снег.

Inna Alexejewna Vollstädt

geb. 1940, Programmiererin, in Deutschland seit 1970

Natürlich erinnere ich mich am Wenigsten an die ersten Jahre. Meine Großmutter nähte für alle Kinder Leinensäckchen mit einem Band für den Hals für Dokumente, für den Fall falls jemand verloren ginge. Diese trugen wir ständig bei uns. Ich erinnere mich ab dem Jahr 1944 und ab dem Ende der Blockade, wie sich alle gefreut haben. Meine Mutter besorgte für mich von den Nachbarn eine gestrickte orange- und beigefarbene Mütze mit roten Bommeln, um mich ohne ein Daunentuch auf die Straße auszuführen. Diese Mütze trug ich sehr lange und ich erinnere mich sehr gut an sie. Mein Vater kehrte als Invalide von der Front zurück. Er war schwer verletzt worden und erlitt Erfrierungen. Natürlich erhielt er viele Auszeichnungen, die ich jetzt aufbewahre. Ich konnte lange Jahre nach dem Krieg fast nichts essen und wenn ich dazu gezwungen wurde, dann kam alles wieder hoch.

Инна Алексеевна Фольштэdt

1940 г.р., программист, в Германии с 1970 года

Конечно я сама мало помню первые годы... Бабушка всем детям шила холщевые мешочки со шнурочком на шею с документами для случая, если кто-то потеряется, которые были постоянно при нас. Помню уже начиная с 1944 года, о снятии блокады помню, как все радовались, мама где-то у соседей достала для меня вязаную шапочку бежево-оранжевого цвета с красными помпонами, чтобы меня вывести на улицу без пухового платка, эту шапку я носила очень долго и хорошо ее помню. Отец вернулся с фронта инвалидом, он был летчиком, был тяжело ранен и обморожен, конечно имел много наград, которые я теперь храню. Первые годы после войны нам тоже жилось очень трудно, я долгие годы не могла почти ничего есть, и если меня заставляли, все тут же выходило обратно.

Bella Borissovna Wassiljewa

geb. 1930, Volkswirtin, in Deutschland seit 1993

Unsere Eltern hatten vier Kinder, alle Mädchen. Die Blockade hatte angefangen und im Oktober 1941 wurden die Essensrationen gekürzt. Es wurde nur noch Brot ausgeteilt. Beamte und Kinder bekamen 125 Gramm, Arbeiter 250 Gramm.

Unsere Familie hatte das ganze Leid der Blockade überlebt: Hunger, Kälte, der Verlust von Verwandten und Freunden, Bombardements, Artilleriebeschuss. Man wollte immer essen. Meine Mutter kochte Suppen aus Küchenkleber und aus den Ledergürteln meines Vaters und fügte manchmal ein Lorbeerblatt hinzu. Das Brot wurde von meiner Mutter geteilt. Jeder erhielt ein gleich großes Stückchen zum Frühstück, Mittag und Abendbrot, welches meistens aus heißem Wasser bestand. An einem sehr kalten Januartag im Jahre 1942 starb meine mittlere Schwester im Schlaf. Ruhig. Als meine Mutter morgens zu ihr kam, war sie schon tot.

Zu Hause gab es einen Ofen und in der Küche einen Herd, der geheizt wurde, um etwas zu erwärmen oder etwas zu essen. Das Brennholz ging uns aus und man heizte mit Hockern und Stühlen. Der Gesundheitszustand verschlechterte sich rapide. Die Rettung kam dank der Evakuierung. Am 24. Juni 1942 kamen Soldaten zu unserem Haus und halfen uns beim Packen und Herausragen der Sachen.

Wir wurden auf einem Schiff über den Ladoga See hinausgefahren. Die Deutschen nahmen den Hafen unter Beschuss und wir wurden schnell zum Schiff gedrängt, damit die Flugzeuge es nicht schafften, zurückzukommen und uns wieder zu bes-

chießen. Und dann waren wir schon am anderen Uferende auf den hölzernen Steg ausgestiegen.

Белла Борисовна Васильева

1930 г.р., инженер-экономист, в Германии с 1993 года

У наших родителей было четверо детей и все девочки. Началась блокада. В октябре 1941 г. сократили карточный паёк. Стали давать только хлеб. Служащим и детям по 125 грамм, рабочим – по 250 грамм. Наша семья пережила все тяготы блокады: голод, холод, потери родных и близких людей, бомбёжки, артиллерийские обстрелы. Всегда хотелось есть. Мама варила супы из столярного клея и из папиных кожаных ремней, добавляя в них иногда лавровый лист. Хлеб делила мама. Всем по одинаковому кусочку на завтрак, обед и ужин обязательно с горячей водой. В один из очень холодных январских дней 1942 г. умерла средняя сестра во сне. Тихо. Когда мама утром подошла к сестре она была мертва. Дома были печки, на кухне плита, которую топили, чтобы согреть воду или что-либо поесть. Дрова кончились и топили табуретками, стульями.

Состояние здоровья продолжало быстро ухудшаться. Началась цинга, зубы зашатались. Спасение пришло благодаря эвакуации. 24 июня 1942 года к дому подъехали на машине солдаты, помогли собраться и вынести вещи. Вывезли нас на пароходе через Ладожское озеро. Немцы обстреливали пристань и нас торопили побыстрее пройти к пароходу, чтобы самолёты не успели вернуться снова для бомбёжки. И вот мы уже на другом берегу озера сошли на деревянный причал. [...]

Sabina Fadejevna Elkonina

geb. 1936, Ingenieurin, in Deutschland seit 1997

Ich lebte in Leningrad von 1938 bis zum Sommer 1942 und wurde dann nach Baschkortostan evakuiert. Den Tag des Sieges habe ich mit meiner Mutter in Moskau gefeiert. Damals gab es fast kein Spielzeug, aber meine Mutter hatte mir ein weiches gelbes Küken geschenkt. Wir gingen zum Roten Platz, und ich verlor es in der Menge, worüber ich sehr traurig wurde.

Сабина Фадеевна Эльконина

1936 г.р., инженер, в Германии с 1997 года.

Я проживала в Ленинграде с 1938 года до лета 1942 года, потом была эвакуирована в Башкирию. День Победы встречала с мамой в Москве. Тогда игрушек почти не было, но мама подарила мне мягкого жёлтого цыплёнка. Мы шли на Красную площадь и в толпе я его потеряла и очень расстроилась.

Efim Wolfowitch Griliches

geb. 1932, Bergbauingenieur, in Deutschland seit 1999

Im August 1942 wurden meine Mutter, meine jüngere Schwester und ich evakuiert, und nach einem Monat kamen wir dann an unserem Wohnsitz in der Stadt Ural'sk in Kasachstan an. Nach Leningrad kamen wir erst im Juni 1944 zurück. Vom Krieg sind mir zwei Tage in Erinnerung geblieben: der Anfang des Krieges am 22. Juni und der glücklichste Tag des Sieges am 9. Mai, welchen ich in Leningrad gefeiert habe.

Ефим Вольфович Грилихес

1932 г. р., горный инженер, в Германии с 1999 г.

В августе 1942 года нас - меня, маму и младшую сестричку - эвакуировали, и через месяц мы прибыли в г. Уральск в Западном Казахстане. Вернулись в Ленинград в июне 1944 года. Из войны запомнились 2 дня: начало войны 22 июня и самый счастливый День Победы 9 мая, который я встретил в Ленинграде.

Galina Naumovna Borschewskaja

geb. 1940, dipl. Radioingenieurin, in Deutschland seit 1997

Ich wurde im August 1940 in Leningrad geboren. Im Alter von zehn Monaten kam ich ins Krankenhaus mit einer Infektion im Dickdarm. Zu dieser Zeit hatte die Evakuierung in Leningrad bereits begonnen, mein Zustand im Krankenhaus wurde jedoch kritisch. Mein Körper lief blau an, mein Puls war kaum noch tastbar. Das Krankenhaus wurde geschlossen, das Personal und die Kinder wurden auf die Evakuierung vorbereitet. Die Ärzte lehnten es ab, mich zu evakuieren, weil sie glaubten, meine Tage seien gezählt. Meine Mutter brachte mich nach Hause ... Und ich habe überlebt.

Im Winter 1942 wurde ich mit meiner Mutter über die "Straße des Lebens" evakuiert. Wir kamen in der Stadt Kirov an und meine Mutter begann sofort in einer medizinischen Akademie zu arbeiten. Ende Januar 1944 als die Belagerung Leningrads durchbrochen war, wurden die Akademie und ihre Mitarbeiter schnell nach Leningrad zurückgebracht, um Kranken und Verwundeten, Soldaten und Zivilisten zu helfen.

Ab diesem Zeitpunkt fangen meine persönlichen Erinnerungen an. Leningrad wurde stark zerstört. Wir wohnten im Zentrum, in der Nähe des Sennaya-Platzes. Die durch die Bombardierung zerstörten Häuser wurden von gefangenen deutschen Soldaten wiederaufgebaut. Die Gefangenen riefen uns Kinder zu sich, sahen uns unter Tränen an, streichelten uns über den Kopf. Wahrscheinlich erinnerten sie sich in diesen Momenten an ihre eigenen Kinder. Die Deutschen boten

uns an, aus Holz geschnitzte „Sparhäuschen“ mit einem Loch für Münzen auf dem Dach zu kaufen. Eines Abends bat ich meine Mutter um Geld, um so ein schönes Haus zu kaufen. Mama reagierte sehr heftig auf meine Bitte: „Ich verbiete es dir, mit Gefangenen zu sprechen. Sie sind Faschisten. Sie haben unsere Kinder ermordet. Du darfst Nichts von ihnen kaufen.“ Aber ich, ein kleines Mädchen, widersprach ihr: „Nein, Mama, sie sind gut. Nur sehr traurig und weinend. Und das bedeutet, dass sie sich schlecht fühlen.“ Dies war vielleicht die erste politische Auseinandersetzung in meinem Leben.

Ich erinnere mich, dass ich damals immer sehr hungrig war und meine Mutter schlug mir vor „Koloboks“ zu backen. „Koloboks“ nannte ich kleine runde Brote aus Kleie. Aber es gab auch keine Kleie in Leningrad. In der Stadt wurden Lebensmittelkarten eingeführt. Im Kindergarten bekamen die geschwächten Kinder Fischöl als Zugabe zu gedünstetem Kohl. Bis heute kann ich keinen gedünsteten Kohl essen, da ich immer das Fischöl darin schmecke und mir wird übel.

Ich möchte noch eine letzte Erinnerung teilen, für welche mich meine Mutter vor ihrem Tod um Verzeihung bat. Im September 1947 wurde ich eingeschult. Der Herbst war regnerisch. Unser Hof, in dem wir wohnten, wurde umgegraben – man verlegte Gasleitungen. Wegen des schlechten Wetters war der Graben voller Schlamm und nassem Lehm. Eines Tages sprang ich auf dem Weg zur Schule erfolglos hinüber, fiel in den Graben, weinte, und meine Mutter half mir nicht. Sie ging unter Tränen fort und sagte: „Mein Kind, jemand wird dich da rausholen. Ich kann nicht, weil mir für drei Minuten Verspätung zur Arbeit ein Gerichtsverfahren droht.“ So waren die Zeiten unter Stalin...

Галина Наумовна Борщевская

1940 г.р., радиоинженер, в Германии с 1997 года

Я родилась в Ленинграде в августе 1940 года. Начало войны я встретила в детской инфекционной больнице на Песочной набережной в возрасте 10 месяцев, куда я попала с диагнозом «Дизентерия». В это время в Ленинграде уже началась эвакуация.

Тем временем моё состояние в больнице становилось все более критическим: тело посинело, пульс еле прощупывался. Больница закрывалась, персонал вместе с больными детьми готовился к эвакуации. Меня для эвакуации «забраковали», считая, что дни мои сочтены. Мама забрала меня домой... Но я выжила.

Мы уехали с ней зимой 1942 года по «Дороге жизни». Мы приехали в город Киров, и мама сразу же приступила к работе в Военно-Морской Медицинской Академии. В конце января 1944 года, как только блокада была прорвана, Академию с сотрудниками срочно вернули в Ленинград, чтобы помочь больным и раненым, как военным, так и гражданским.

Вот с этого времени начинаются уже мои личные воспоминания. Ленинград после блокады был сильно разрушен. Мы жили в центре, у Сенной площади. Разрушенные от бомбежек дома восстанавливали пленные немецкие солдаты. Они подзывали нас, детей к себе, смотрели на нас сквозь слёзы, гладили нас по голове. Вероятно, они вспоминали в эти моменты о собственных детях. Пленные немцы предлагали нам купить у них вырезанные из дерева домики с отверстием на крыше для монет. Как-то вечером я попросила у мамы денег, чтобы купить красивый домик. Мама реагировала на мою просьбу очень бурно: «Я не разрешаю тебе приближаться к пленным. Они – фашисты. Они убивали наших детей. Не надо ничего у них покупать». Но я, маленькая девочка, ей возразила: «Нет, мама, они – хорошие. Только очень печальные и плачут. А это значит, что им плохо». Это был, пожалуй, первый политический конфликт, в котором я участвовала.

Я вспоминаю также о том, что в это время я очень страдала от голода и просила маму сделать мне колобки. Колобками я называла маленький круглый хлеб из отрубей. Но в Ленинграде отрубей не было. В городе были введены карточки на продукты питания и всё было очень ограничено. В детском саду нам, ослабленным детям, давали рыбий жир, причём добавляли его в тушёную капусту и заставляли это съесть. До сих пор я не могу есть тушёную капусту, так как я всегда чувствую в ней вкус рыбьего жира, который вызывает у меня тошноту.

Закончить хочу эпизодом, за который мама просила у меня прощения перед своей смертью. В сентябре 1947 года я пошла в школу, в первый класс. Осень выдалась дождливая. Наш двор, где мы жили, разрыли. Проложили канаву для укладки труб, проводили в дом газ. Канавка из-за непогоды наполнилась грязью и жидкой глиной. Через неё надо было перепрыгнуть. Я прыгнула неудачно, провалилась в канаву, заплакала, а мама мне не помогла. Она ушла в слезах со словами: «Доченька, тебя кто-нибудь вытащит. Я не могу, за 3 минуты опоздания мне грозит суд». Вот такие были тогда сталинские времена.

Adolf Moissejewitch Yalin

geb. 1937, Ingenieur, in Deutschland seit 2003

Seit dem ersten bis zum letzten Tag der Blockade lebte ich in Leningrad zusammen mit meiner Mutter, einer Ärztin des militärischen Krankenhauses. Es war bereits nach dem Durchbruch der Blockade im Februar 1944, jedoch wurde die Stadt noch ein Jahr bombardiert. Ich fuhr mit meiner Mutter in einer amerikanischen Straßenbahn auf dem Newski-Prospekt, wir stiegen aber aus irgendeinem Grund eine Haltestelle früher aus – das hat uns gerettet. Die Bombe fiel auf das Haus an der Ecke Rubinstein/Newski, wo sich jetzt ein McDonalds befindet.

Адольф Моисеевич Ялин

1937 г.р., инженер-технолог, в Германии с 2003 года.

... с первого дня блокады до последнего я прожил в Ленинграде вместе со своей мамой – врачом военного госпиталя. Помнится, это было после прорыва блокады, в феврале 1944 года, но город ещё бомбили. Мы с мамой ехали в американском трамвае по Невскому, но почему-то сошли на одну остановку раньше – это нас спасло. Бомба попала в дом на углу Рубинштейна/Невского, где сейчас находится Макдоналдс...

Vitali Grigorievich Vesselov

geb. 1936, dipl. Ökonom, in Deutschland seit 1991

Ich lebe seit meiner Kindheit in Leningrad, aber ich erinnere mich nur wenig an die Blockade. Ich erinnere mich nur, dass meine Mutter meine Schwester und mich bat, als die harten Hungerzeiten kamen, Brennesseln für Suppe und Tee zu sammeln. Ich erinnere mich auch, dass wir nachts durch einen Park gingen und ein Mann auf dem Rasen lag. Mama sagte mir, ich solle ihn nicht wecken, er schlafe.

Ich habe Schlittschuhlaufen gelernt - es hat unser Leben abwechslungsreicher gemacht. Ich erinnere mich, dass wir einen Freund Pascha hatten, der einen Eiskunstlaufverein leitete. Ich erinnere mich gut an die Eislaufmeisterschaft der UdSSR.

Eine andere Erinnerung: stellen Sie sich vor, was sind 20 Kilo Weißbrot? Ich erinnere mich, wie Lagerhäuser mit Mehl brannten, das verbrannte Mehl wurde schwarz, und dann aßen wir Schwarzbrot mit Sägemehl. Wenn man nichts zum Essen hat, denkt man nicht daran...

In schwierigen Jahren tranken wir Kinder alle Fischöl und lebten von Hefe. Als ich klein war, stand ich dreimal dem Tode nahe. Jetzt bin ich 85 Jahre alt und kann mit Sicherheit sagen, dass mich die Blockade abgehärtet hat. Aber es gab eine Zeit, da

stellte meine Mutter mir und meiner Schwester einen Teller vor und wir begannen, von verschiedenen Seiten zu essen. Natürlich habe ich meiner kleinen Schwester immer mehr Suppe gelassen. Es war immer sehr wichtig, aufeinander aufzupassen. Im Allgemeinen war das Wichtigste in der Blockade, zusammen zu halten. Wenn ich damals allein wäre, wäre ich höchstwahrscheinlich früh gestorben.

Виталий Григорьевич Веселов

1936 г.р., экономист, в Германии с 1991 года

Я с детства жил в Ленинграде, но блокаду помню не полностью. Помню, что, когда наступили суровые голодные времена, мама просила меня с сестренкой собирать крапиву на суп и чай. Ещё помню, мы шли ночью по парку и человек лежал на газоне. Мама мне говорит, не буди, он спит...

Я научился кататься на коньках — это приносило отличное разнообразие в нашу жизнь в осаде. Помню, у нас был друг Паша, который вёл общество по фигурному катанию. Хорошо помню чемпионат СССР по катанию на коньках.

А вот другой случай, представьте себе, ну что такое 20 кило белого хлеба? Я помню, как горели склады с мукой, которая принимала чёрный цвет, а потом мы ели чёрный хлеб с опилками. Когда есть нечего, об этом и не задумываешься.

Вообще было много разных случаев. В трудные годы мы все дети пили рыбий жир и жили на дрожжах. Когда я был маленьким, я находился три раза при смерти. Сейчас мне 85 лет, и я с уверенностью могу сказать, что блокада меня закалила.

Но было время, когда мама ставила передо мной и моей сестрой тарелку и мы начинали есть с разных концов. Я, конечно, всегда оставлял сестренке побольше супа. Всегда было очень важно следить друг за другом. Вообще самое главное в блокаде было жить дружной группой. Если бы я был один, я бы скорее всего умер ещё в раннем возрасте.

Irina Sergeevna Burkhardt

geb. 1937, dipl. Biochemikerin, in Deutschland seit 1969

Ende August 1941 fuhren meine Eltern und ich mit einem der letzten Züge von Puschkin nach Leningrad. Am 17. September besetzten die deutschen Truppen Puschkin. Wir entkamen der deutschen Besatzung, fanden uns aber mitten in der Belagerung Leningrads wieder. Ich erinnere mich an einzelne Episoden der Blockade: Mein Vater schnitt „Duranda“ (Presskuchen) auf einer Zeitung auf dem Boden und ich sammelte die Krümel mit dem Daumen auf.

Es gab auch eine riesige Wasserpfütze in der Einfahrt unseres Hauses, die Einwohner mussten über die Ziegelsteine, die im Wasser lagen, laufen. Eines Tages fiel ein Mann hinein, starb und lag dort mehrere Tage lang. Es wurde erzählt, dass ein Arm von seiner Leiche abgetrennt und gestohlen worden war, wurde aber dann wieder reingeworfen – aus Angst vor den Polizeikontrollen.

Einer unserer älteren Nachbarn tötete seine Katze und aß sie. Im Februar 1942 kam der Bruder meiner Mutter, 26 Jahre alt, Militärfabrikarbeiter, mit Dystrophie und blutigem Durchfall zu uns. Er lag ein paar Tage da und starb anschließend. Seine Leiche lag mehrere Tage lang in unserem Hausflur und ich hatte Angst, daran vorbeizulaufen.

Im selben Winter erkrankte ich schwer an Masern und der Arzt verbat uns, in den Luftschutzkeller zu gehen. Wir mussten in unserer Wohnung im Haus bleiben, von dessen Dach die Wachen Brandbomben in den Hof abwarfen.

1942 bekam meine Mutter eine Stelle als Kindergärtnerin und ich kam auch in den Kindergarten. Zusätzlich zu Kitagebühren mussten wir Lebensmittelkarten in der

Buchhaltung des Kindergartens abgeben, bekamen dort aber auch warme Mahlzeiten. Ich erinnere mich an Erbsenbrei, der in einer dünnen Schicht in eine kleine Schüssel gegeben wurde. Wir haben diesen Brei sehr langsam gegessen, um den Genuss des Essens zu verlängern.

Wir verbrachten zwei Jahre lang in der Evakuierung, folgten überall dem Betrieb „Lentrasprojekt“. Seine Mitarbeiter überwachten den Bau der Eisenbahn vom Weißen Meer bis ins Zentrum Russlands, um amerikanische Militärhilfe in das Kriegsgebiet zu liefern. Während der Kriegsjahre war ich oft krank. Ich hatte ständig Husten und Fieber, meine Füße und mein Kopf waren mit eitrigen Wunden bedeckt.

Im Juli 1944 kehrten wir auf Vaters Ruf hin nach Leningrad zurück. Alles erinnerte in der Stadt an die Blockade: In unserem Haus waren die Fensterrahmen ohne Glas, die Decken schwarz vor Rauch, Möbeln und Treppengeländer fehlten – sie wurden bereits im ersten Winter der Belagerung verheizt. Diese Treppen benutzten wir so bis 1964, bis das Haus komplett saniert wurde. Ich besuche dieses Haus jedes Mal, wenn ich in St. Petersburg bin.

Ирина Сергеевна Буркхардт

1937 г.р., биохимик, в Германии с 1969 года

С одним из последних пригородных поездов в конце августа 1941 года мои родители со мной переехали из города Пушкин в Ленинград к знакомым. 17 сентября немцы заняли Пушкин. Мы избежали немецкой оккупации, но оказались в Ленинграде в кольце блокады. Из блокадных будней я помню отдельные эпизоды: папа колет на расстеленной на полу газете дуранду (жмыхи), а я наслоненным пальцем собираю отскочившие крошки.

Под аркой ворот нашего дома стояла невысыхающая лужа, которую жильцы преодолевали по лежащим в ней кирпичам. Однажды кто-то в неё упал, умер и пролежал несколько дней. Говорили, что от тела отрезали руку, но потом подбросили обратно, так как боялись контрольного обхода милиции по квартирам и возможного ареста. Один наш пожилой сосед убил своего кота и якобы съел его.

В феврале 1942 года к нам пришёл мамин брат, 26 летний рабочий военного завода, с дистрофией и кровавым поносом. Он лежал у нас несколько дней и умер. Его тело пару дней лежало в нашем коридоре, и я боялась проходить мимо. В эту же зиму я тяжело заболела корью, и врач запретил нам спускаться

в бомбоубежище. Нам пришлось оставаться в нашей квартире в доме, с крыши которого дежурные сбрасывали зажигательные бомбы во двор.

В феврале 1942 года мама устроилась воспитательницей в детский сад, куда удалось пристроить и меня. В бухгалтерию детсада кроме оплаты за само пребывание нужно было отдать и продуктовые карточки, но мы получали там горячее питание. Я помню гороховую кашу, налитую тонким слоем в маленькую тарелку. Эту кашу мы ели очень медленно, чтобы продлить удовольствие от процесса еды.

... В эвакуации мы пробыли два года, всюду следуя за организацией «Лентраспроект», сотрудники которой руководили строительством железнодорожного пути от Белого моря к центру России для доставки американской военной помощи к району боевых действий. В эти года я часто болела. У меня был постоянно кашель и температура, ноги и голова покрылись гнойными болячками.

В июле 1944 по вызову папы мы вернулись в Ленинград. О блокаде в нашем доме напоминали ещё не полностью застекленные рамы окон, закопчённый потолок в помещениях, отсутствие мебели и лестницы без перил, которые сожгли ещё в первую блокадную зиму. По этим лестницам мы ходили ещё до 1964 года, когда дом поставили на капитальный ремонт. Этом дом был в течении 42 лет моим отчим домом, и я навещаю его почти в каждый мой приезд в Санкт-Петербург.

Oktober 1942

*Erzählung über das Überlebte.
Рассказ о пережитом.*

Ena Romanovna Kendel

geb. 1938, Elektroingenieurin, in Deutschland seit 2000

Ich erinnere mich, wie der Bruder meiner Mutter neben dem Ofen saß und irgendwas dort machte, dann fiel er hin und starb vom Hunger. Er war 17 Jahre alt. Wir lebten in der Blockade bis zum 31. März 1942, danach wurden wir nach Stalingrad evakuiert und von dort aus einen Monat später in den Ural nach Artjomowsk. Als meine kleinen Enkel hier [in Deutschland] nichts aßen, erzählte ich ihnen, wie wir damals Brotkrümel sammelten.

Эна Романовна Кендель

1938 г.р., инженер-электрик, в Германии с 2000 года

Помню, как мамин брат сидел у печурки, что-то там делал, потом упал и умер от голода. Ему было 17 лет.
Жила в блокаде до 31 марта 1942 года, потом эвакуирована в Сталинград, а оттуда через месяц на Урал в г. Артёмовск. Когда мои маленькие внуки здесь в Германии плохо ели, я рассказывала им, как мы тогда собирали крошки хлеба.

Ilja Lvovitch Kendel

geb. 1938, Ingenieur, in Deutschland seit 2000

Ich bin am 25. Juli 1938 in der Stadt Weiße Kirche des Kiewer Gebiets geboren. Kurz nach meiner Geburt sind wir nach Leningrad gezogen.

Während des Krieges überlebten wir zusammen mit meiner Mutter und meinem kleinen Bruder die Blockade Leningrads. Meine Mutter arbeitete in einem Einsatzteam zum Abbau von Holzhäusern und brachte Brennholz für den Herd in der Küche, was uns vor der Kälte bewahrte. Nachdem der Herd abgekühlt war, legte meine Mutter eine Decke darauf und legte mich mit meinem kleinen Bruder und meiner Großmutter auf den warmen Herd.

Im März 1942 wurden wir über den Ladogasee nach Samarkand evakuiert. Mein Vater kämpfte inzwischen an der Leningrader Front. In Samarkand ging ich 1945 zur Schule, beendete dort die erste Klasse und kehrte 1946 nach Leningrad zurück. Ich erinnere mich an meine Auftritte vor den Verwundeten im Krankenhaus von Samarkand. Ich erinnere mich noch an ihre Augen und Gespräche mit ihnen.

1955 machte ich das Abitur und fing an, an der Fachschule Elektromechanik zu lernen, die ich 1958 absolvierte. Ich arbeitete dann in unterschiedlichen Betrieben der Stadt. Parallel absolvierte ich auch ein Fernstudium an der Polytechnischen Hochschule. Meine letzte Arbeitsstelle war Chefkonstrukteur im Werk „Elektropult“.

Илья Львович Кендель

1938 г.р., инженер-конструктор, в Германии с 2000 г.

Я родился в Белой церкви Киевской области 25 июля 1938 г. Проживал в Ленинграде практически со дня рождения. Во время войны вместе с мамой и маленьким братом пережили блокаду в городе. Моя мама работала в бригаде по разборке деревянных домов и приносила дрова для растопки печки на кухне, и это спасало нас от холода. После того как печка остывала мама стелила на неё одеяло и сажала меня вместе с маленьким братом и бабушкой на тёплую печку.

В марте 1942 г. через Ладожское озеро мы эвакуировались в г. Самарканд. Отец в это время воевал на Ленинградском фронте. В Самарканде в 1945 г. пошел в школу, там закончил первый класс и вернулся в Ленинград в 1946 г. Запомнились мои выступления перед ранеными в госпитале Самарканда. Я до сих пор помню их глаза и разговоры с ними.

В 1955 г. закончил школу и поступил в электромеханический техникум, который окончил в 1958 г. И стал работать на различных предприятиях города. За это время закончил заочный политехнический институт. Последняя моя работа, главный конструктор ТМП завода Электропульт.

Ida Yakovlevna Nikitina

geb. 1937, Kindergärtnerin, in Deutschland seit 2000

Ida ist am 20. Oktober 1937 im Herzen Leningrads auf der Wassiljewski-Insel in der Familie des Geschäftsmannes Yakov Shafranov geboren. 1941 ging ihr Vater an die Front und fiel im September desselben Jahres bei den Kämpfen um Leningrad.

Die Familie blieb in der Stadt, wo sie die ersten zwei schwersten Winter der Belagerung überlebte. Im März 1943 erhielt die Familie des verstorbenen Rotarmisten Shafranov die Möglichkeit, aus dem belagerten Leningrad über das bereits schmelzende Eis des Ladogasees evakuiert zu werden. Diese Reise hat sich in der Erinnerung von der kleinen Ida eingebrannt: Vor ihren Augen brach das Eis unter den Autos mit abgemagerten Menschen und die LKWs verschwanden unter dem Wasser, aber die Autokolonnen fuhren ohne anzuhalten weiter. Seitdem konnte Ida keine Brücken mehr betreten, wenn unter ihnen Wasser war. Als die Familie 1944 nach der Aufhebung der Blockade in ihre Wohnung zurückkehren durfte, musste ihre Mutter die Tochter auf dem Rücken über Brücken tragen, sonst schrie Ida und wurde ohnmächtig.

Ida war viel und lange krank, konnte aber die Schule abschließen und später an der technologischen Hochschule studieren. Nach der Heirat und der Geburt von Töchtern arbeitete sie in einem Kindergarten, um immer bei den Kindern zu bleiben. Seit 2000 lebt Ida in Berlin. Sie hat 6 Enkel und 10 Urenkel. Der jüngere Urenkel wurde Yakov genannt – in Erinnerung an Idas Vater Yakov Solomonovich Shafranov, der im Krieg gefallen war.

Ида Яковлевна Никитина

1937 г.р., воспитательница детского сада, в Германии с 2000 г.

Ида родилась в семье коммерсанта Якова Шафранова 20 октября 1937 года в самом сердце Ленинграда, на Васильевском острове. В 1941 году её отец ушёл на фронт и в сентябре того же года был убит в боях под Ленинградом.

Семья осталась в городе, где пережила две самых тяжёлых блокадных зимы. В марте 1943 года семья погибшего красноармейца Якова Шафранова получила возможность эвакуации из блокадного Ленинграда по уже подтаивающему льду Ладожского озера.

Маленькая Ида пережила это очень тяжело. На глазах у неё уходили под лёд машины с измождёнными людьми, но караваны двигались дальше, не останавливаясь.

С тех пор Ида не могла ходить по мостам, если под ногами плескалась вода. И когда в 1944 году после прорыва блокады, семье было разрешено вернуться в их уцелевшую комнату, то её матери приходилось переносить свою дочь через мосты на закорках. Иначе Ида кричала криком и теряла сознание.

Ида много и долго болела, но смогла закончить 10 классов и поступить в Технологический институт. После замужества и рождением дочерей она работала в детском саду, чтобы быть рядом с детьми.

С 2000 года Ида проживает в Берлине. У неё 6 внуков и 10 правнуков. Младшего правнука назвали Яков в честь погибшего на войне отца Иды Якова Соломоновича Шафранова.

Israil Aronowich Potikha

geb. 1928, dipl. Maschinenbauingenieur, in Deutschland seit 1999

Januar 1942, draußen herrscht eisige Kälte von minus 39–40 Grad. Meine Mutter ist seit drei Tagen draußen und wartet. Ihr ganzes Gesicht und alle Finger sind erfroren. Endlich, am 27. Januar, morgens, schaffte sie es mit einer kleiner Ration Brot zurück nach Hause. Mein Vater liegt ohne ein Lebenszeichen in dem ungeheizten Raum. Auf mich passt eine Nachbarin auf. An diesem Tag bringt diese gutmütige Frau meine Mutter mit einem Schlitten von Ozerki zum Institut für Technologie, wo meine Tante in der Nähe wohnt. Als wir am Markt vorbeikommen, sehen wir, wie Händler verhaftet werden, weil sie vermutlich Menschenfleisch verkaufen.

Nachdem mein Vater und meine Mutter gestorben waren, ging ich in den Kindergarten. Als im Juli ein Mädchen durch einen Bombenanschlag getötet und eine Erzieherin verwundet werden, wird die Evakuierung beschlossen.

Wir fahren mit einem Boot über den Ladoga, es war neblig. Plötzlich hallte ein schriller Schrei über das Wasser: Mine! Etwas Dunkles schwemmte einen Meter von unserem Boot entfernt im Wasser. Wir machten eine scharfe Kurve und zum Glück ging es ohne eine Kollision aus.

Auf der anderen Seite des Ufers stiegen wir in den Zug ein und jeder erhielt einen Laib Schwarz- und einen Leib Weißbrot – ich aß sie beide auf einmal. Das Ergebnis: Ich lag mit starken Bauchschmerzen auf der Liege. Und plötzlich flogen die deutschen Flugzeuge vorbei und fingen an uns zu bombardieren, unser erfahrener Maschinist manövrierte jedoch meisterhaft.

Im Herbst kam ich zu meinen Verwandten in die Stadt Molotow, dann ins Gebiet

Nowosibirsk und im Sommer 1945 kam ich zurück nach Leningrad.

Im Winter nahm ich an dem Leningrader Gerichtsprozess gegen die deutschen Militärverbrecher teil. Acht der neun Angeklagten, darunter auch der General Heinrich Remlinger, wurden zum Tode durch Erhängen auf dem Kondratiev-Platz verurteilt.

Die Belagerung von Leningrad war eine große Tragödie, die Hälfte der Bevölkerung der Stadt ist umgekommen. Diejenigen, die überlebten, wurden für den Rest ihres Lebens physisch und psychisch traumatisiert. Diese Schrecken der Blockade müssen in der Erinnerung zukünftiger Generationen bewahrt werden.

Израиль Аронович Потиха

1928 г.р., инженер-механик, в Германии с 1999 года

Январь 1942 года, мороз 39–40 градусов. Мама трое суток стоит на улице в очереди. Все ее лицо обморожено, отморожены все пальцы. Наконец, 27 января утром она еле добралась с хлебом до дома. Отец лежит без признаков жизни в нетопленной комнате. Меня приютила соседка со второго этажа. В этот день эта женщина повезла маму на санках из Озерков до технологического института, где рядом жила моя тетья. Проходя мимо рынка, видели, как арестовывали предположительно торговавших человеческим мясом.

После смерти отца и матери я поступил в детский сад. Когда в июле от попадания бомбы погибла девочка и была ранены воспитательница, нас решили эвакуировать.

Ладугу переплывали на катере, кругом был туман. Вдруг пронзительный крик разнесся над водой: Мина! Все кинулись к борту. Что-то тёмное плюхалось в воде на расстоянии одного метра от нашего катера. Мы резко накренились и все полетели к противоположному борту. К счастью, все обошлось без столкновения.

На другом берегу мы пересели на поезд и каждый получили по буханке чёрного и белого хлеба, я сразу съел обе. Результат: я лежал на полке с сильнейшими болями в животе. И тут налетают немецкие самолеты, наш опытный машинист умелым маневрированием избегает попадания бомб.

Осенью я приехал в город Молотов к родственникам, затем в Новосибирскую область и летом 1945 года вернулся в Ленинград.

Зимой я присутствовал на Ленинградском судебном процессе над немецкими военными преступниками. Восемь подсудимых из одиннадцати, включая генерала Генриха Ремлингера, были повешены на Кондратьевой площади.

Блокада Ленинграда – великая трагедия. Погибло половина населения города. Выжившие получили физические и психологические травмы на всю оставшуюся жизнь. Эти ужасы блокады должны храниться в памяти будущих поколений.

Viktor Yakovlevich Shlyk

geb. 1933, dipl. Chemieingenieur, in Deutschland seit 1997

Ich war einer der wenigen, die die Belagerung schon eine Woche vorher „gespürt“ haben. Vor dem Krieg haben wir am Rande der Stadt in der Nähe des Hafens gewohnt. Am ersten September sollte ich in die erste Klasse gehen. Aber als ich in die Schule kam, sah ich, dass Betten und Matratzen in die Schule gebracht wurden, um da ein Lazarett einzurichten. Abends sagte mir meine Mutter, dass die Schule ausfallen würde, dass ich evakuiert werden sollte und dass ich schnell schreiben lernen sollte, um Briefe schreiben zu können. Am 8. September 1941 begannen die Blockade. Eine Evakuierung hat nicht stattgefunden.

In den härtesten Tagen der Blockade arbeitete mein Vater in der Transportabteilung der Militärverwaltung. Er war ständig mit Autos, Waggonen und Plattformen von der Frontzone nach Leningrad und zurück unterwegs und versorgte die Produktion mit allem Notwendigen.

Auf diesen Touren kam er häufig an gefrorenen nicht abgeernteten Feldern vorbei, wo man noch Kartoffeln, anderes Gemüse oder mal auch einen Pferdekopf finden konnte. Das hat uns sehr geholfen.

Im März 1942 schlug eine deutsche Bombe in das Fundament unseres Hauses ein, die Druckwelle riss die Fenster heraus, das Schrapnell ging über das Bett, wo ich lag. Dieser Schreck und auch das ständige garauenhafte Warten auf die Rückkehr meiner Mutter von der täglichen Arbeit („was ist, wenn sie nicht zurückkommt?“)

haben dazu geführt, dass ich angefangen habe zu stottern. Das Stottern begleitete mich die nächsten 7 Jahre.

Wir sind umgezogen, und erst dann ging ich zum ersten Mal aus dem Haus. Ich sah die Ruinen des Kinos „Olympia“ und vor allem die lebenden Leningrader. Es ist mir in Erinnerung geblieben, dass während all der harten Tage der Blockade vor allem das Radio sehr unterstützend war. Die Stimmen von vielen beliebten Radiosprechern wärmten die Seele und gaben Hoffnung auf den Sieg und ein glückliches Leben nach dem Krieg.

Im Januar 1943 kam schon das erste feierliche Ereignis – der lang ersehnte Durchbruch der Blockade stand an. Im Jahr 1944 verkündete man die vollständige Befreiung Leningrads von der Blockade.

Ein neues Leben begann, aber die Schwierigkeiten und der Kummer der Menschen hörten nicht auf. Im Jahr darauf verloren wir unseren Vater. Dann kam die hoffnungslose Armut.

Dennoch glaubten die Menschen an eine bessere Zeit, in der das Leben besser werden würde, und dieser Glaube rettete sie.

Виктор Яковлевич Шлык

1933 г.р., Инженер-химик, в Германии с 1997 года

Я один из немногих, кто почувствовал приближение блокады на неделю раньше. До войны мы жили на окраине города вблизи порта. Первого сентября я должен был пойти в первый класс. Но когда 1-го числа я подошёл к школе, то увидел, как в нее заносят кровати и матрацы для обустройства военного госпиталя. Вечером мама сообщила мне, что сейчас уже не до школы, меня вот-вот могут эвакуировать, и надо срочно научиться писать письма. Я всю неделю списывал с букваря и кубиков буквы, освоил их без написания крючков и палочек, плохой почерк стал результатом на всю жизнь. 8-го сентября началась блокада, обстрелы, бомбежки. Эвакуация не состоялась.

В самые трудные дни блокады отец работал в транспортном отделе Управления военных работ. Он постоянно ездил от фронтовой зоны в Ленинград на авто, вагонах, платформах, обеспечивая производство работ всем необходимым. Нередко во время такой поездки бригада могла встретить неубранные замерзшие поля картофеля, капусты и даже голову падшей лошади. Это спасало нам жизнь.

В один из дней марта 1942 г. немецкий снаряд попал в фундамент нашего дома,

ударная волна вырвала окна, осколки прошли выше кровати, где я лежал. Но испуг и долгие страхи ожидания прихода мамы („а вдруг не придёт?“) на 2-3 месяца лишили меня почти полностью речи, и я лет семь после этого сильно заикался. Жить фактически на улице было невозможно. К счастью, через пару дней приехал отец и переселил нас во вновь надстроенную квартиру на Международном проспекте. После переезда я стал выходить из дома. Я увидел развалины кинотеатра "Олимпия", жерла орудий из окон Фрунзенского универмага и главное - живых ленинградцев.

Необходимо отметить, что все трудные дни блокады ленинградцев особенно поддерживало радио: голоса Беккер и Оловяновой, Петровой, Уваровой, Фролова и др. согревали душу и вселяли надежду на победу и счастливую жизнь. В январе 1943 года - первый большой праздник - долгожданный прорыв блокады, а в 1944г. - полное освобождение Ленинграда от блокады. Началась новая жизнь, но трудности и горе людей не закончились. Мы в 1945 г. потеряли отца - нашего основного кормильца. Наступила беспросветная бедность.

И всё же люди верили в лучшее время, когда жизнь наладится, и эта вера спасала их.

Leonid Mikhailovitch Strelkow

geb. 1936, Radioingenieur, in Deutschland seit 1970

Ich erinnere mich an die Blockade nur teilweise, zum Beispiel an den Beginn des Krieges. Ich war mit meinem Vater und Großvater in dem Kirow-Zentralpark der Kultur und Erholung. Der Ansprache von Molotow über den Beginn des Krieges hörte ich dort in der ohrenbetäubenden Stille in der dunklen großen Menschenmenge zu.

Ich erinnere mich noch an den Brand in den Badaev-Lebensmittellager, den wir von unserer Straße „12. Linie“ aus beobachteten und sehe noch immer entlang der Linie 12 eine lange Reihe von in Tüchern eingewickelten Leichen auf dem Schnee liegen. Vom Küchenfenster aus sah ich einst einen Mann, der sehr langsam die Mitte der Straße hinunterging und plötzlich in den Schnee fiel - so lag er dann viele Tage lang.

Eines Morgens weckte mich meine Mutter und brachte mich zu dem Bett, in dem mein Großvater lag, und ich erlebte seinen letzten Atemzug. Meine Großmutter starb daraufhin im März und andere Großmutter im Juni.

Im Frühling und Sommer gingen wir auf den Smolensker Friedhof, um Brennnesseln und Melden zu pflücken und diese dann zusammen mit Stücken von Ledergürteln zu kochen - so hatten wir dann eine leckere Krautsuppe. In den Briefen

meiner Mutter an meinen Vater las ich später: "Ljonja will sterben, weil er so hungrig ist."

Ich erinnere mich während der Evakuierung an das Einsteigen in ein Boot auf dem Ladogasee, an eine angenehme Fahrt in einem Güterwaggon, an eine nächtliche Fahrt in einem Karren in das baschkirische Dorf, wo wir vom 29.08.1942 bis Ende Juli 1944 lebten. In diesem Jahr ging ich in Leningrad zur Schule. Auch die Siegesfeier auf der Schmidt-Brücke am 09.05.1945 blieb mir gut in Erinnerung.

Леонид Михайлович Стрелков

1936 г.р., радиоинженер, в Германии с 1970 г.

Блокада в моей памяти сохранилась отдельными фрагментами. Хорошо помню начало войны. Я с папой и дедушкой был в Центральном парке культуры и отдыха. Сидя на руках у дедушки в тёмной большой толпе, из репродуктора я слушал выступление Молотова при гробовом молчании людей.

Запомнилось зарево пожара Бадаевских складов, которое мы наблюдали с нашей улицы -12 линии. До сих пор перед глазами - вдоль 12 линии длинный ряд завёрнутых в простыни трупов, лежащих на снегу. Из кухонного окна видел мужчину, очень медленно идущего по середине улицы, и вдруг упавшего в снег - так он лежал потом много дней. Рано утром меня разбудила мама и привела к кровати, в которой лежал дедушка, и я увидел его последний выдох. В конце марта умерла одна бабушка, а в июне - другая.

Весной и летом ходили на Смоленское кладбище, собирать крапиву и лебеду и вместе с кусочками кожаных ремней варили вкусные щи. В маминых письмах папе нахожу фразу: «Лёничка хочет умереть, т.к. очень хочет кушать.»

В сохранившемся эвакуационном удостоверении за № 8968 указано, что посадка в 16 часов 11.08.1942 г с Московского вокзала. Помню посадку в катер на Ладожском озере, приятную езду в товарном вагоне, езду на телеге ночью до башкирской деревни, в которой мы жили с 29.08.1942 г. до конца июля 1944 г. Прекрасно помню салют Победы на мосту лейтенанта Шмидта 09.05.1945 г.

Treffen der Vereinigung „Lebendige Erinnerung“ im Zoom, 2021

Überlebende der Blockade mit Geflüchteten – Teilnehmern eines BFD-Seminars, 2019

Ausflug im Treptower Park, 2018

Treffen mit Gästen aus St. Petersburg anlässlich des Jahrestages der vollständigen Aufhebung der Blockade, 2019

Überlebende der Leningrader Blockade als Teilnehmer des Berliner Videoprojektes "Kinder der Blockade", 2019. Projekt und Foto von Ina Rommee und Stefan Krauss.

Ausflug im Treptower Park, 2018

Gedenkveranstaltung anlässlich der vollständigen Aufhebung der Blockade im Russischen Haus Berlin, 2019

Treffen der Gruppe, Informationsveranstaltung, 2020

Im Berliner "Theater unterm Dach" bei der Aufführung des deutsch-russischen Stückes "67/871" (871 Tage in 67 Bildern) in Zusammenarbeit mit dem "Theater auf Litejniy", (St.-Petersburg), 2017

Liste der Überlebenden der Leningrader Blockade, die ihre Erinnerungen mit den Autoren dieses Buches geteilt haben:

Wladimir Romanowitch Andrejew

Tatjana Alexandrowna Andrejewa

Evgenia Semjonowa Bakschi

Leonid Iljitsch Beresin

Galina Naumovna Borschewskaja

Natalia Pavlovna Bretschneider

Maria Jakovlevna Burakova

Irina Sergeevna Burkhardt

Isaak Abramowitch Dorfmann

Sabina Fadejeva Elkonina

Raisa Markowna Fayn

Alexander Lwowitch Galkin

Tamara Naumovna Glinina

Emma Nathanovna Gorina

Lajn Nathanowitch Gorin

Berta Scholomowna Gorokhova

Sergej Dmitrievitch Gromov

Efim Wolfovitch Grilikhes

Dr. Natalja Viktorovna Jahn

Ena Romanovna Kendel

Ilja Lvovitch Kendel

Lev Davidovitch Knoring

Assya Abramovna Kuperman

Alexandr Aronowitch Kvardin

Lija Moissejewna Lerner

Genrietta Lvovna Liakhovitskaia

Elvira Iosifovna Markova

Galina Borisowna Mazkina

Djemma Liwowna Moroz

Zagueria Chairetdinovna Newretdinova

Ida Jakovlevna Nikitina

Dorothea Abramovna Palej

Israil Aronowich Potikha

Nonna Lasarevna Revzina

Rudolf Samoilovitch Rosenberg

Sofia Lasarevna Rumjantseva

Eduard Moissejewitch Saizew

Viktor Ykovlevich Shlyk

Leonid Mikhailovitsch Strelkow

Mark Borisowitch Tumarkin

Inna Alexejewna Vollstädt

Bella Borissovna Wassiljewna

Vitali Grigorievich Vesselov

Adolf Moissejewitch Yalin

Medaille "Für die Verteidigung Leningrads"

Медаль "За оборону Ленинграда"

Список ветеранов-блокадников, чьи воспоминания послужили основой для создания книги:

Владимир Романович Андреев

Татьяна Александровна Андреева

Евгения Семёновна Бакши

Леонид Ильич Березин

Галина Наумовна Борщевская

Наталья Павловна Бретшнайдер

Мария Яковлевна Буракова

Ирина Сергеевна Бургхардт

Исаак Абрамович Дорфман

Сабина Фадеевна Эльконина

Раиса Марковна Файн

Александр Львович Галкин

Тамара Наумовна Глинина

Эмма Натановна Горина

Лайн Натанович Горин

Берта Шоломовна Горохова

Сергей Дмитриевич Громов

Ефим Вольфович Грилихес

Наталья Викторовна Ян

Эна Романовна Кендель

Илья Львович Кендель

Лев Давыдович Кноринг

Ася Абрамовна Куперман

Александр Аронович Квартин

Лия Моисеевна Лернер

Генриетта Львовна Ляховицкая

Эльвира Иосифовна Маркова

Галина Борисовна Мацкина

Джемма Львовна Мороз

Загира Хайретдиновна Невретдинова

Ида Яковлевна Никитина

Доротея Абрамовна Палей

Израиль Аронович Потиха

Нонна Лазаревна Ревзина

Рудольф Самойлович

Розенберг

Софья Лазаревна Румянцева

Эдуард Моисеевич Зайцев

Виктор Яковлевич Шлык

Леонид Михайлович Стрелков

Марк Борисович Тумаркин

Инна Алексеевна Фольштэрт

Белла Борисовна Васильева

Виталий Григорьевич Веселов

Адольф Моисеевич Ялин

Abzeichen "Für Einwohner Leningrads während der Blockade: 900 Tage - 900 Nächte"

Знак "Жителю блокадного Ленинграда: 900 дней - 900 ночей"

GENRIETTA LIAKHOVITSKAIA

KLAGE DER VOM KRIEG ERSCHÖPFTEN KINDHEIT

Auf dem Piskarjowskoje-(Gedenk)friedhof

Mit allen Poren kenne ich den Hunger.
Er sitzt in mir wie 'n giftiger Blutropf.
Er ist durch meine Kindheit durchgedrungen,
wie ein Rostnagel in das Herz geklopft.

Sind trocken müde Augen, obzwar
ich auf dem Friedhof bin, wo kein Kreuz stand,
kein Einzelgrab, kein Stern hier jemals war.

Die Menschen in den Gruben eng und enger.
Bestraft sind alle, Hunger war der Henker.
Ich habe nicht die Kraft für namenlose Steine.

Ein Metronom pocht rhythmisch und gedehnt,
eintönig ist der rauen Steine Glied.
Und plötzlich- sieh' - auf einem Grabstein liegt
ein Bissen BROT - echt, duftend, so ersehnt!

Und im Gedanken an die Tage, die so fern sind
fing meine arme Kindheit an zu weinen.

Leningrad 1992, Berlin 22. Juni 2004

*Übertragung ins Deutsche: Amid Veligardi von Koren und Elena Blokhina
Berlin, Juli-August 2016*

ГЕНРИЕТТА ЛЯХОВИЦКАЯ

ПЛАЧ ВОЙНОЙ ИЗМОЖДЁННОГО ДЕТСТВА

На Пискарёвском кладбище

Я знаю голод всем моим нутром.
Он в детстве пропитал меня насквозь.
Во мне сидит он - ядовитый тромб,
как вбитый в душу старый ржавый гвоздь.

В глазах моих усталых нету слёз,
хоть я на кладбище, где нет могил
в отдельности, и нет крестов и звёзд.

Смотреть на камни без имён нет сил.
Под ними люди в ямах, всё тесней.
Все казнены, и голод - их палач.

Стук метронома мерен и тягуч,
однообразен строй суровых плит.
Вдруг вижу: на одной из них лежит
ХЛЕБ, настоящий, порист и пахуч!

И через пропасть отошедших дней,
сквозь горла спазм пробился детства плач.

Ленинград 1992, Берлин 22 июня 2004

*Перевод на немецкий: Амид Велигарди фон Корен и Елена Блохина
Берлин, июль-август 2016 года*

Tagesportion Brot während der Blockade:

125 Gramm - für Kinder und Angestellte

250 Gramm - für Arbeiter

Блокадная пайка хлеба:

125 грамм - для детей и служащих

250 грамм - для рабочих

Plakat zur Gedenkveranstaltung anlässlich des 75. Jahrestages der Aufhebung der Leningrader Blockade. An der Veranstaltung haben Gäste aus Berlin und St.-Petersburg teilgenommen, es wurde das Stück "Leningrader Metronom" von einem Schultheater gespielt. Außerdem fand bei der Veranstaltung ein Vernetzungstreffen der Blockadniki aus unterschiedlichen Bundesländern statt.

Impressum

Herausgeber:

Club Dialog e.V.

Friedrichstr. 176-179, 10117 Berlin

Tel.: 030/ 204 48 59, Fax: 030/ 204 46 10

info@club-dialog.de

www.club-dialog.de

Redaktion: Dr. Natalia Roesler, Dr. Leonid Beresin, Irena Fliter

Biographische Daten und Fotomaterial:

Club Dialog e.V., Eduard Finn, Elena Jamov, private Sammlungen, offene Archive, Adobe Stock

Design & Layout:

Tatiana Miller

Druck:

"Wir machen Druck"

3. Ausgabe, überarbeitet, 2021

Выходные данные

Издатель:

Общественная организация Диалог

Фридрихштрассе 176-179, 10117 Берлин

Тел.: 030/ 204 48 59, Fax: 030/ 204 46 10

info@club-dialog.de

www.club-dialog.de

Редакция: Наталья Реслер, Леонид Березин, Ирэна Флитер

Библиографические данные и фотоматериал:

Клуб Диалог, Эдуард Финн, Елена Ямова, личные коллекции, архивы в открытом доступе, Adobe Stock

Дизайн и вёрстка:

Татьяна Миллер

Печать:

"Wir machen Druck"

Издание третье, дополненное, 2021 г.

Die Herausgeber danken allen Mitwirkenden, die dieses Projekt ermöglicht haben: Herrn Dr. Leonid Berezin, Herrn Eduard Saizew und Frau Valentina Dann für die organisatorische Unterstützung und Betreuung der Zeitzeugen und Maria Schabanowa für die Vorbereitung der Materialien. Wir bedanken uns auch beim Russischen Haus der Wissenschaft und Kultur in Berlin für die Unterstützung der Arbeit der Vereinigung "Lebendige Erinnerung".

Издатели выражают благодарность всем тем, без кого невозможна была бы реализация данного проекта: Леониду Березину, Эдуарду Зайцеву и Валентине Данн за организационную поддержку и работу с ветеранами и Марии Шабановой и за подготовку материалов. Мы также выражаем благодарность Российскому дому науки и культуры в Берлине за поддержку работы ассоциации блокадников "Живая память".

© 2021, Club Dialog e.V.

